

ШЛЕМ ИВАНА ГРОЗНОГО В КОНТЕКСТЕ ПРИДВОРНОЙ КУЛЬТУРЫ*

Хранящийся в Королевской Оружейной палате (Livrustkammaren, no. 20389/2634) в Стокгольме стальной позолоченный шлем с надписью, в которой упоминаются Иван IV и его отец Василий III, неоднократно привлекал к себе внимание исследователей. В моей работе 2011 г. шлем рассматривается как династический головной убор, выражавший идею наследования власти в семье Василия III. Подобные династические шлемы наследника существовали во времена Ивана Калиты и при Иване Грозном, который в 1557 г. заказал шлем с программными надписями для царевича Ивана Ивановича¹.

Публикуемые в этом номере статьи Ю. Ф. Игиной и А. В. Лаврентьева о стокгольмском шлеме требуют вернуться к вопросам о его происхождении, характере и назначении. Хотя обе указанные работы посвящены одному и тому же предмету, их разбор целесообразно провести по отдельности. Исследователи рассматривают предмет с совершенно разных позиций. Ю. Ф. Игина допускает, что стокгольмский шлем Ивана Грозного может быть поздней подделкой, а по мнению А. В. Лаврентьева, головной убор, наоборот, является более древним, чем принято считать в историографии. В первой части данной работы, которая была написана большей частью еще до знакомства со статьей А. В. Лаврентьева, рассматриваются в основном взгляды Ю. Ф. Игиной, а вторая часть посвящена анализу статьи второго автора.

---

* Выражаю искреннюю признательность директору Livrustkammaren Малин Грюндберг (Malin Grundberg), куратору Livrustkammaren Софии Нестор (Sofia Nestor), старшему научному сотруднику С. П. Орленко (Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль») и заведующей отделом Г. П. Черкашиной (Сергиево-Посадский музей-заповедник) за оказанные консультации. Исследование выполнено по гранту Хельсинкского коллегияума продвинутых исследований.

¹ *Богатырев С. Н.* Шапка Мономаха и шлем наследника. Репрезентация власти и династическая политика при Василии III и Иване Грозном // *Studia Slavica et Balcanica Pertopolitana*. 2011. № 1 (9). С. 186–188.

Настоящая работа исходит из следующих общих принципов, которые вообще-то являются общепринятыми, но по разным причинам далеко не всегда соблюдаются в исследованиях, посвященных шлему. При изучении музейных предметов следует разделять историю их появления в коллекции и экспертизу их подлинности. Исследование надписей на предмете требует особого внимания к методологии анализа эпиграфического текста и его носителя. И наконец, любое исследование, в особенности исследование известного музейного объекта высокого статуса, предполагает детальное знакомство с источниками и предшествующей литературой.

В историографии существует несколько точек зрения на проблему появления шлема Ивана Грозного в Швеции. В 1897 г. хранитель Королевской Оружейной палаты Карл Антон Оссбар опубликовал надпись на шлеме в подготовленном Акселем Лагрелиусом издании предметов из коллекции Livrustkammaren. По мнению Карла Антона Оссбара, шлем был взят в качестве трофея вместе с русскими пушками, хранящимися в Грипсгольме, во время кампании Понтуса Делагарди 1581 г.² С этим предположением не согласился А. А. Бобринский, который писал, что шлем, по всей видимости, был продан в Швецию. В работе А. А. Бобринского прямо не указано, кто мог быть продавцом, однако, учитывая приводимые им источники о разграблении царской казны польскими войсками во время Смуты, можно полагать, что автор подразумевал продажу шлема поляками³.

Представления о роли поляков в биографии шлема получили окончательный вид в опубликованной в 1918 г. статье директора Королевской Оружейной палаты Рудольфа Седерстрёма. Разделяя идеи А. А. Бобринского о захвате шлема поляками в Москве во время Смуты, автор предположил, что затем шведские войска взяли шлем в качестве трофея в Варшаве в 1655 г. в ходе Северной войны 1655–1660 гг. (известной в польской историографии как «Шведский потоп»). Предложенная Рудольфом Седерстрёмом концепция появления шлема в составе собрания Livrustkammaren получила признание в шведской историографии. Именно на его работу обычно ссылаются последующие исследования⁴.

К сожалению, многие работы о шлеме, включая указанную статью Рудольфа Седерстрёма, не содержат ссылок на источники, поэтому идеи авторов об истории поступления шлема в Livrustkammaren порой трудно перепроверить. В этом плане выгодно выделяется исследование Карла Эрика Стенеберга, который четко документировал свои выводы. Именно он первым предположил, что шлем был захвачен шведским генералом Класом Окессоном Тоттом в битве с войсками Ивана Грозного при Лоде в 1573 г. Исследователь основывался на описи трофеев Класа Окессона Тотта 1574 г. и описи арсенала брата

² *Lagrelius A.* Kongl. lifrustkammaren och dermed förenade samlingar. Femtio planscher i ljustryck utförda vid Generalstabens litografiska anstalt under ledning af A. Lagrelius; text af C. A. Ossbahr. Stockholm: P. A. Norstedt & Söner, 1897. S. 22–23. Plansch XLV.

³ *Бобринский А. А.* Шлем Ивана Грозного // Записки Императорского Русского археологического общества. СПб., 1898. Т. X. Вып. 1–2. Новая серия. С. 323–324.

⁴ *Cederström R.* Rysk från 1500-talet, ej Persisk-Mongolisk från 1400-talet // *Kunst og haandverk: Nordiske studier: Johan Bøgh 1848–27 mai – 1918.* Kristiania, 1918. S. 54–55; *Sandstedt F.* Schischak-Szyszak-Zischägge. Analys av åtta hjälmar av orientalisk typ i Livrustkammaren // *Livrustkammaren.* Stockholm, 1985. Vol. 17. Nr. 1. S. 14; *Sandin P.* Peter den store och Karl XII i krig och fred. Stockholm: Livrustkammaren, 1998. Nr. 1. S. 37 (описание Нильса Дрейхольта); Орел и лев. Россия и Швеция в XVII веке / Под ред. Н. С. Владимирской. Каталог выставки. Государственный исторический музей, 04.04–01.07.2001. М., 2001. № 3. С. 27 (описание Нильса Дрейхольта); *Grönhammar A.* (ed.). *Krigsbyte. War-Booty.* Stockholm: Livrustkammaren, 2007. Nr. 3.30. Sid. 241; сведения о происхождении предмета на сайте Livrustkammaren: <http://emuseumplus.lsh.se/eMuseumPlus> (дата посещения — 20.08.2014).

короля, герцога Карла, 1574–1580 гг., в которых упоминается несколько полированных позолоченных шлемов. Карл Эрик Стенеберг также первым идентифицировал шлем Ивана Грозного со шлемом, записанным в описи Livrustkammaren 1663 г. под № 13, предположив, что головной убор является частью трофеев генерала Тотта. В то же время исследователь отметил, что полной ясности здесь быть не может из-за плохой сохранности описей Livrustkammaren за первую половину XVII в.⁵

Куратор Королевской Оружейной палаты София Нестор любезно разъяснила ситуацию с описями собрания, предоставив мне копии записей о русских шлемах в описях Livrustkammaren. В описи 1663 г. под № 13 упоминается щит и «[заостренный]⁶ шлем с золотыми полосами, оценены в 30 талеров» (der till en [spetsigh] caschet medh förgylte render urpå 30 Dr). Идентификация упомянутого здесь шлема осложняется тем, что помимо шлема Ивана Грозного (№ 20 389) в коллекции Livrustkammaren есть еще один русский шлем (№ 20 388). Поскольку оба шлема имеют заостренную форму и украшены позолоченными «полосами», встает вопрос: о каком из головных уборов идет речь в описи 1663 г.? Ответить на него помогает опись 1696 г., в которой под № 10 упомянуты уже знакомые нам щит и шлем, оцененные в 30 талеров. Под № 13 в описи 1696 г. записан еще один заостренный шлем, на сей раз подложенный красной тканью. Такая подкладка присутствует в шлеме № 20388. Отсюда можно заключить, что шлем, упоминаемый вместе со щитом в описи 1663 г. под № 13, является шлемом Ивана Грозного. Как сообщила София Нестор, щит отсутствует в собрании Livrustkammaren с 1822 г. В то же время, по сведениям Софии Нестор, в двух сохранившихся инвентарных списках трофеев, взятых в Варшаве в 1655 г., шлем Ивана Грозного не упоминается⁷.

Из-за плохой сохранности и досадной краткости записей описи шведских собраний русского оружия XVI – середины XVII в. не дают прямого документального подтверждения ни одной из вышеизложенных гипотез об источнике поступления шлема в собрание Livrustkammaren. Учитывая многочисленные военные конфликты между Россией и ее западными соседями, на данном этапе исследования наиболее вероятным представляется захват шлема в качестве трофея. Такое объяснение косвенно подтверждается документами, приведенными в исследовании Карла Эрика Стенеберга. Подробности истории появления шлема в собрании Livrustkammaren требуют дальнейшего исследования. Так или иначе, следует еще раз подчеркнуть, что это проблема истории формирования коллекции Королевской Оружейной палаты, а не проблема подлинности шлема.

Вышесказанное относится и к описаниям русских собраний оружия. Ю. Ф. Игина сомневается в подлинности шлема на том основании, что он напрямую не упоминается в русских источниках. Это типичный аргумент, выводимый из умалчивания, который не имеет доказательной силы. Описи царской казны XVI в. сохранились очень плохо⁸. Поэтому многие известные музейные вещи XVI в., включая, например, шлем царевича

---

⁵ *Steneberg K. E. Ryskt krigsbyte från Johan III:s tid // Svenska vapenhistoriska sällskapets årsskrift, 1942–1943. Stockholm, 1943. S. 120, 121, 124–125.*

⁶ В описи 1663 г. неаккуратно вписано над строкой.

⁷ Электронная почта Софии Нестор от 25 и 29 августа и 2 сентября 2014 г. В каталоге выставки, посвященной иностранным трофеям в шведских собраниях, поступление обоих шлемов в собрание Livrustkammaren датируется 1671 г. (*Grönhammar A. Krigsbyte. Nr. 3.30, 3.31. S. 241, 242.*)

⁸ *Орленко С. П. К вопросу о деятельности придворных оружейных мастеровских до и после Смутного времени // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Третьей международной научно-практической конференции, 16–18 мая 2012 г. СПб., 2012. Ч. II. С. 442.*

Ивана Ивановича, подлинность которого Ю. Ф. Игина не оспаривает, впервые упоминаются только в документах середины XVII в.⁹

Подделки обычно выявляются на основании анахронизмов в форме, декоре, материале предметов и в надписях на них. Несмотря на подзаголовок статьи Ю. Ф. Игиной, вопрос о подлинности шлема был поставлен еще А. А. Бобринским. Он отметил, что «все говорит в пользу достоверности предмета», поскольку головной убор близок по форме к другим образцам шлемов XVI в. Кроме того, по словам автора, гипотетический фальсификатор скорее бы поместил на шлем громкий царский титул Ивана Васильевича вместо того, чтобы приписывать головной убор малолетнему княжичу¹⁰. Предпринятая Ю. Ф. Игиной попытка поставить под сомнение аутентичность шлема Ивана Грозного также не выявила никаких анахронизмов, поэтому нет оснований считать шлем подделкой. Как заметила сама Ю. Ф. Игина, кириллическая надпись на шлеме (подробнее о ней см. ниже) позволяет датировать головной убор периодом 1530–1533 гг.¹¹

Некоторые характеристики шлема, которые могут выглядеть как признаки подделки, на самом деле просто неверно толкуются в результате неправильной методологии исследования. Одно из самых распространенных заблуждений в работах по культуре Московской Руси связано с поверхностными представлениями о статичном характере московских произведений искусства, которые якобы создавались исключительно на основе многократного воспроизведения устоявшихся норм и приемов. Неудивительно, что при таком подходе вызывает подозрение каждая вещь, которая не укладывается в устоявшиеся стереотипные представления о якобы типичных изделиях московских мастеров. На самом деле придворное искусство менялось под влиянием различных политических и культурных факторов¹².

Ю. Ф. Игина сравнивает шлем Ивана Грозного со шлемом царевича Ивана Ивановича 1557 г. и изделиями мастеров первых Романовых, на которых имеются пространные

⁹ Шлем Ивана Ивановича ныне хранится в Оружейной палате Московского Кремля. Опись Московской Оружейной палаты. Ч. 3. Кн. 2. М., 1884. № 4395. С. 12 (опись оружейной казны Михаила Федоровича 1643 г.).

¹⁰ *Бобринский А. А.* Шлем Ивана Грозного. С. 323.

¹¹ *Игина Ю. Ф.* Казус шлема Ивана Грозного: к постановке проблемы. С. 72–73. — В моей предыдущей работе шлем датировался концом правления Василия III без указания на дату создания предмета: «В самом конце своего правления Василий III (ум. в 1533 г.) заказал для наследника роскошный шлем...» (*Богатырев С. Н.* Шапка Мономаха... С. 186). Ю. Ф. Игина явно не поняла, что 1533 г. относится к смерти великого князя, а не к дате изготовления шлема: «Хотя в надписи на шлеме не содержится ни даты, ни указания на заказчика, С. Н. Богатырев относит заказ шлема к Василию III, а датой изготовления предмета называет 1533 г., в котором будущему Ивану IV исполнилось три года» (*Игина Ю. Ф.* Казус шлема... С. 71.). Очевидно, ее смутило мое утверждение о том, что «необходимость в парадном шлеме объясняется тем, что Василий III оставлял престол трехлетнему ребенку» (*Богатырев С. Н.* Шапка Мономаха... С. 187). Речь, конечно, не идет о том, что Василий III приказал сделать шлем, находясь на смертном одре. Проблема наследования довлела над Василием III на протяжении долгого времени (см. ниже). Инцидент на охоте, приведший к смерти Василия III, лишь обострил проблему обеспечения преемственности власти в великокняжеской семье и сделал особенно актуальным наличие династического шлема.

¹² См.: *Bogatyrev S.* The Heavenly Host and the Sword of Truth: Apocalyptic Imagery in Ivan IV's Muscovy // Kivelson V. et al. (eds). *The New Muscovite Cultural History: A Collection in Honor of Daniel B. Rowland.* Bloomington, 2009. P. 79, 88–90. — Динамичный характер придворной культуры также отмечается в современных исследованиях дворов христианских и мусульманских правителей XVI в. (см.: *Gosman M., MacDonald A., Vanderjagt A.* Princes and Princely Culture, 1450–1650: In 2 vols. Leiden; Boston: Brill, 2003, 2005; *Necipoğlu G.* Süleyman the Magnificent and the Representation of Power in the Context of Ottoman-Hapsburg-Papal Rivalry // *The Art Bulletin.* Vol. 71. No. 3 (Sep., 1989). P. 401–427.)

надписи, раскрывающие обстоятельства их создания, и богатый декор, насыщенный династическими символами. Ю. Ф. Игина, однако, не обратила внимания, что рассматриваемые ею вещи были созданы позже стокгольмского шлема при совершенно других обстоятельствах. При сравнительном анализе изделий необходимо учитывать серьезные изменения, произошедшие в придворной культуре в середине XVI – начале XVII в. К их числу относятся венчание Ивана Грозного на царство в 1547 г.; культурная деятельность митрополита Макария по пропаганде идеи царской власти и ее преемственности в правящей династии; расширение контактов с западными и восточными соседями, включая дипломатию, торговлю и военные конфликты (которые стимулировали культурный обмен с помощью трофеев, пленных и перебежчиков); Смутное время, сопровождавшееся драматичными, но очень интенсивными контактами с европейцами, а также целенаправленные усилия идеологов первых Романовых по легитимизации новой династии.

Интенсификация культурного обмена с середины XVI в. выразилась в заметном повышении качества изделий царских мастерских в результате притока в Москву мастеров из Новгорода и Пскова, участвовавших в проектах Макария, который до занятия митрополичьей кафедры был новгородским архиепископом. Существенный вклад в работу царских мастерских также вносили мастера из Европы и мусульманских ханств, завоеванных Иваном Грозным. Многочисленные дипломатические дары, поступавшие в Кремль от иностранных правителей, также оказывали заметное влияние на уровень работы царских мастерских. Поэтому нет ничего удивительного в том, что шлем Ивана Грозного, изготовленный на ранней стадии работы великокняжеских мастерских, заметно отличается по характеру декора и эпиграфического материала от более поздних произведений, созданных опытными царскими мастерами на основе развитой династической символики.

Шлем Ивана Грозного должен рассматриваться не в контексте изделий царских мастеров, работавших в середине XVI в. при Макарии или в XVII в. при Романовых, а в сравнении с вещами эпохи становления московского самодержавия при Иване III и Василии III. Однако прежде чем перейти к сравнительному изучению шлема, необходимо проанализировать сам головной убор, включая его декор и надпись, чтобы полнее представить себе цели его создателей.

Исследователи уже отметили эклектичный характер декора стокгольмского шлема. Вместе с тем, его орнамент подчиняется вполне определенному плану. В основе декоративной схемы шлема лежит чередование гладких отшлифованных плоскостей и плоскостей, покрытых золотом. Этот принцип проводится очень последовательно по всей площади шлема, включая шпиль, где гладкие и позолоченные участки расположены в шахматном порядке, тулью шлема с чередующимися гладкими и позолоченными вертикальными плоскостями и его наголовье, где гладкая плоскость служит фоном, по которому расположены горизонтальные пояса с позолоченными элементами.

Плоскости, покрытые золотом, в свою очередь делятся на три типа: участки с орнаментом, с арабографичными знаками и с кириллической надписью. По данным Брюнольфа Хеллнера, который исследовал технологию позолоты русских шлемов из собрания Королевской Оружейной палаты, участки, предназначенные под позолоту, были предварительно покрыты мелкой насечкой. После нагревания предмета, нанесения позолоты и повторного нагревания насечка, непокрытая золотом, зашлифовывалась¹³. В настоя-

---

¹³ Подобным образом обработана насечками поверхность вышеупомянутого русского шлема XVI в. с диагонально ориентированными долами-ложками из собрания Livrustkammaren, № 20 388 (*Hellner B. Stålets dekorering inom vapensmidet // Livrustkammaren. Vol. 9. № 1–12*

щее время на поверхности шлема насечка хорошо видна по периметру многих участков с позолотой. Важно отметить, что отведенные под позолоту поверхности были одинаково обработаны насечкой для всех трех вышеуказанных типов изображений (орнамент, арабграфичные и кириллические знаки). Таким образом, налицо единая декоративная схема, последовательно применяемая по всей площади шлема.

Рассмотрим наиболее крупный тип золотых изображений, пояс с арабграфичными знаками, проходящий по наголовью шлема. Контурные знаков прорезаны резцом. В такой же технике выполнена и нижняя граница пояса, которая, несомненно, является частью изначального дизайна. Ситуация с верхней границей пояса сложнее. Она имеет причудливую волнообразную форму, образованную нижними дугообразными границами вертикальных граней, поставленных на конус. Эта волнообразная граница отделана серебром¹⁴. Аналогичное оформление упоминается в описании некоторых шлемов, принадлежавших Борису Годунову¹⁵. Отделка плоскостей соседних вертикальных граней чередуется: после гладкой полированной грани следует грань с золотым орнаментом. Подобный дизайн упоминается в составленном при Василии III описании утвари его брата, угличского князя Дмитрия Ивановича Жилки («ковшъ грановит, через грань золочон»), а также в описи шлемов из арсенала Бориса Годунова¹⁶.

Визуально верхняя волнообразная граница пояса с арабграфичными знаками отсекает верхние границы некоторых знаков (см., например, неполную диакритическую точку в поясе с арабграфичными знаками, находящуюся на одной вертикали со словом «Руси»). В чем причина такого оформительского решения? По мнению Ю. Ф. Игиной, на шлифованных поверхностях можно разглядеть остатки гравированных завитков, которые якобы были частью арабграфичных знаков пояса (остается неясным, сделала ли автор это заключение на основе фотографий или непосредственного знакомства с головным убором). Отсюда исследователь утверждает, что изначально пояс с арабграфичными знаками был шире, чем сейчас, но потом его верхняя часть была зашлифована¹⁷.

На основании визуального обследования шлема в Стокгольме и детальной круговой цифровой съемки в высоком разрешении (182 снимка разрешением 2048×1536 пикселей), я могу сказать, что на отшлифованных гранях нет продолжений линий резца, которыми очерчены контуры арабграфичных знаков на поясе в наголовье шлема. Следует подчеркнуть,

---

(1961–63). S. 26, 28; *Grönhammar A. Krigsbyte*. Nr. 3.31. S. 241, 242; *Орленко С. П.* К вопросу о деятельности... С. 444). О подобных черкасских и московских шлемах с «косыми гранями» см.: *Савваитов П.* Описание старинных царских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора. СПб., 1865. С. 34–35; *Бобров Л. А.* «Шишак московский, шишак литовский, шишак калмыцкий...» Боевые наголовья российских воинов в Сибири в конце XVI – XVII веке // *Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Пятой международной научно-практической конференции.* СПб., 2014. Ч. 1. С. 194. Рис. 1.3.

¹⁴ *Cederström R. Rysk från 1500-talet...* S. 53; см. также: *Hellner B. Stålets dekorerings inom vapensmidet.* S. 26, 28.

¹⁵ «Шолом московской, грани прямые; две каемки и под спицею наведено серебром»; «шолом московской, грани прямые, каемка и под спицею наведен серебром» (*Савваитов П.* Описание старинных царских утварей... С. 35–36).

¹⁶ *Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв.* (далее — ДДГ). М.; Л., 1950. С. 412 (духовная грамота Дмитрия Жилки, составленная перед его смертью 14 февраля 1521 г.). Шлемы из собрания Бориса Годунова: «шолом шолканской, на булатное дело, через грань золотом наведен»; «шолом московской, грани прямые, через грань золотом наведен»; «шолом литовской, грани прямые, через грань водкую травлен» (*Савваитов П.* Описание старинных царских утварей... С. 34–35).

¹⁷ *Игина Ю. Ф.* Казус шлема... С. 85–86.

что линии, очерчивающие границы знаков на шлеме довольно глубокие, поэтому зашлифовать их без всякого следа практически невозможно.

Также нужно отметить, что по волнообразной границе между поясом и гранями тульи шлема происходит сложное преломление плоскости: вертикальная плоскость пояса переходит в наклонные плоскости поставленных на конус граней тульи головного убора. Если бы пояс с арабографичными знаками выходил на грани тульи, то мастеру пришлось бы изображать некоторые знаки сразу в нескольких плоскостях. Технически это было бы очень сложно, а визуальное такое многоплоскостное изображение искажало бы пропорции знаков и делало бы их непропорциональными.

Поэтому усеченная форма некоторых знаков объясняется не позднейшей зашлифовкой, а методом работы мастера. Очевидно, он имел перед собой какой-то образец исламской каллиграфии в типичной прямоугольной рамке¹⁸. В то же время поверхность шлема, на которой следовало воспроизвести знаки, была ограничена сверху не прямой горизонтальной линией, как на образце, а волнообразной. Мастер механически перенес свой образец на шлем, при этом части знаков, которые не умещались на отведенных для них участках поверхности шлема, просто игнорировались. Таким образом, усеченные сверху куфические знаки являются частью изначального дизайна шлема. При этом вполне возможно, что на протяжении бытования шлема проводились повторная полировка и поновление отделки поверхностей, причем не всегда аккуратно, в результате чего на них появились царапины разной формы. В то же время нет оснований полагать, что такая работа повлияла на изначальный дизайн и орнамент головного убора.

Манера воспроизведения арабографичных знаков позволяет по-новому взглянуть на их функцию в декоре шлема Ивана Грозного. Мнения экспертов-арабистов по поводу смысла знаков разделились. Хотя вопрос о том, какой текст может скрываться за этими знаками, сам по себе представляет определенный академический интерес, для истории шлема гораздо важнее, как знаки воспринимались создателями шлема. Принимая во внимание, что некоторые знаки оказались усеченными при вписывании их в поле пояса, можно утверждать, что мастер шлема воспринимал их не как текст, а как орнамент, отсылающий к престижным образцам восточного церемониального вооружения¹⁹. Каким бы ни был источник арабографичных элементов, в декоре шлема они превратились в псевдографическую идеограмму.

Характер воспроизведения арабографичных элементов на шлеме подтверждает вывод Рудольфа Седерстрёма и Нильса Дрейхольта о том, что головной убор в его нынешнем виде был создан в Москве²⁰. Мастер шлема, по всей видимости, плохо понимал или совсем не знал восточные языки, но, несомненно, владел кириллическим письмом. Под поясом с

---

¹⁸ Это подтверждает и приводимое Ю. Ф. Игиной мнение Людвика Калуса о том, что надпись может представлять собой искаженную формулу «вечное могущество», перенесенную с персидского или турецкого образца.

¹⁹ Bogatyrev S. Reinventing the Russian Monarchy in the 1550s. Ivan the Terrible, the Dynasty, and the Church // Slavonic and East European Review. Vol. 85. No. 2 (April, 2007). P. 284. Note 60.

²⁰ Cederström R. Rysk från 1500-talet... S. 55; Орел и лев. С. 56. — В моей предыдущей работе признавались вероятными две версии происхождения шлема: «шлем Ивана Грозного, скорее всего, был изготовлен на Востоке (за исключением кириллической надписи, нанесенной в Москве) либо был целиком сделан в Москве в соответствии с восточными традициями». Ю. Ф. Игина искажает мою точку зрения: «По мнению С. Н. Богатырева, шлем был заказан Василием III где-то на Востоке, при этом кириллическая надпись была нанесена в Москве. Согласно другой версии, шлем целиком сделан в Москве в соответствии с восточными традициями» (*Богатырев С. Н. Шапка Мономаха...* С. 188; *Игина Ю. Ф. Казус шлема...* С. 84).

арабографичным орнаментом на венце шлема расположена кириллическая надпись, имеющая прямое отношение к членам правящей династии²¹:

ШЕЛОМЪ КНА'СА' ИВАНА ВАСИЛИ(--)ЕВИЧА · ВЕЛ'ИКОГО.Ω КНА'СА' СНА(--) ВАСИЛ'ІА
ИВАНΩВИЧА Г.СПОДА(--)РА' ВСЕА' РЪСИ · САМОДЕРЖЦА(-)

По наблюдениям Рудольфа Седерстрёма, надпись была выполнена одновременно с остальным декором шлема²². Чтобы выяснить функцию этой надписи на шлеме, необходимо сначала рассмотреть ее лексику. Нетрудно заметить, что короткий текст надписи изобилует титулами: из 13 слов больше половины (7) приходится на титулатуру: «князь» применительно к малолетнему Ивану, а также «великий князь», «господарь всея Руси» и «самодержец» по отношению к его отцу, Василию III Ивановичу²³.

Несмотря на повышенное внимание заказчика надписи к титулатуре, при разборе ее текста Ю. Ф. Игина не провела систематического анализа титулов, ограничившись лишь краткими комментариями. По ее мнению, указание на Ивана Васильевича в надписи лишено коннотации «наследник», потому что он назван князем, а в правящей династии существовала традиция наречения наследников не просто князьями, а великими князьями.

В московской династии наследник действительно стал именоваться «великим князем» после династической войны середины XV в. Таким титулом обладал сын Василия II Иван (будущий Иван III), сыновья Ивана III Иван Иванович и Василий Иванович (будущий Василий III), а также внук Ивана III Дмитрий Иванович. Однако, взойдя на московский престол в 1505 г., Василий III оставил практику именованя наследника великим князем. Об этом ясно свидетельствует договор, заключенный в 1531 г. между Василием III и его братом, дмитровским князем Юрием Ивановичем²⁴. В договоре, который должен был зафиксировать подчиненное положение дмитровского князя по отношению к Василию III и его наследнику Ивану, сам Василий последовательно называется великим князем, как в надписи на шлеме. В то же время титулование его сына очень непоследовательно. Часто он упоминается вообще без титула, иногда с титулом князь, который, как мы видели, присутствует и в надписи на шлеме. При этом титул великого князя к Ивану не применяется, поскольку, как ясно сказано в договоре, в соответствии с московской политической традицией Василий III собирался благословить своего сына Ивана великими княжениями только в конце своего жизненного пути²⁵.

²¹ Богатырев С. Н. Шапка Мономаха... С. 187. — Текст надписи прерывается в нескольких местах орнаментом, который обозначен в транскрипции угловыми скобками.

²² Cederström R. Rysk fråñ 1500-talet... S. 55. — А. В. Лаврентьев считает, что в поясе с кириллическими буквами сначала был выполнен орнамент, а текст надписи был вписан позже. Однако орнамент, идущий по окружности в других частях наголовья шлема, нигде не прерывается свободными участками. При нанесении кириллической надписи мастер сначала старался соблюдать одинаковую длину участков с текстом и, соответственно, одинаковых между собой участков с орнаментом (отсюда и разрыв некоторых слов). Однако к концу надписи (со слов «...ра всеа») мастер вынужден был увеличить длину участка, отведенного под текст, и, соответственно, сократить длину следующего за этим текстом участка орнамента. Таким образом, пространственная организация орнамента в поясе с кириллическими буквами показывает, что орнамент и надпись выполнялись одновременно.

²³ Об идентификации упомянутых в надписи Ивана Васильевича и Василия Ивановича и о том, какие титулы относятся к каждому из них, см. ниже в разделе, посвященном статье А. В. Лаврентьева.

²⁴ ДДГ. С. 416–420.

²⁵ ДДГ. С. 417.

Таким образом, Василий III вернулся к старой династической традиции, по которой наследник носил титул князя, о чем и свидетельствует надпись на шлеме Ивана Васильевича. При этом, как видно из упомянутого выше договора 1531 г., такое титулование наследника вполне сочеталось с целенаправленными действиями по обеспечению преемственности власти в правящей династии.

Надпись на шлеме как раз и является публичной декларацией преемственности власти между Василием III и его сыном Иваном. Именно об этом говорят приведенные в надписи титулы Василия III, которые Ю. Ф. Игина совершенно упустила из виду. Первый из его титулов — великий князь — является традиционным для правящего монарха московской династии с XIV в. Второй титул — *господарь всея Руси* — типичен для периода правления Ивана III и Василия III. В частности, этот титул регулярно воспроизводился на монетах обоих правителей²⁶. Также встречаем его и в надписи на чаше Василия III из Оружейной палаты (№ МР-1129)²⁷.

Понятие «самодержец» представляет собой более сложный случай. Этот атрибут правителя, восходящий к византийским, болгарским и сербским прецедентам, вошел в московскую политическую практику в конце 1490-х гг., когда братья Ивана III перестали играть политическую роль. Однако во времена Ивана III и Василия III слово «самодержец» еще не стало стандартным элементом великокняжеского титула, оставаясь, по словам А. И. Филюшкина, «почетным определением»²⁸, поэтому в надписях времен Василия III оно встречается очень редко²⁹.

В целом термин «самодержец» более типичен для источников, провозглашающих исключительный статус московского великого князя. Например, Иван III именуется самодержцем в текстах, подчеркивающих особую миссию московского князя по защите Православной церкви (Пасхалия митрополита Зосимы и чин поставления митрополита Симона). Слово «самодержец» также употреблялось при публичных декларациях власти московского государя, в частности — в надписи на Спасской башне Московского Кремля. Василий III назывался «самодержцем» в посланиях, направленных ему греческими иерархами и зависимыми от него слугами³⁰.

²⁶ См.: *Зайцев В. В.* Русские монеты времени Ивана III и Василия III. Киев, 2006 (Иван III: № 19–23, 54–62, 95.5–121, Василий III: № 24–27, 63–65, 67, 123, 124, 127–130.2, 136). — Об использовании титула «господарь всея Руси» применительно к правящему монарху и наследнику при Василии II см.: *Зайцев В. В.* Русские монеты... С. 11. Краткий комментарий к титулам Василия III на стогольском шлеме см.: *Бобринский А. А.* Шлем Ивана Грозного. С. 322–323.

²⁷ *Опись Московской Оружейной палаты.* М., 1884. Ч. 2. Золотая и серебряная посуда. № 527. С. 7–8; «Во утверждение дружбы...». Посольские дары русским царям. Каталог выставки / Под ред. А. К. Левыкина, И. А. Загородней. М., 2005. С. 124. № 94. — Титул «господарь» фигурирует в обеих указанных публикациях надписи на чаше. Вместе с тем, в других местах текст надписи в публикациях несколько различается. В частности, в «Описи Оружейной палаты» после титула «смоленский» правильно указан титул «псковский». Слово «псковский» видно и на фотографии в издании «Во утверждение дружбы...», но в транскрипции надписи, сопровождающей фотографию, этот титул пропущен.

²⁸ *Филюшкин А. И.* Титулы русских государей. М.; СПб., 2006, С. 58–59.

²⁹ Помимо стогольского шлема, мне известно только одно указание на надпись времен Василия III с титулом «самодержец» на артиллерийском стволе работы мастера Булгака Новгородова 1513 г. (само орудие не сохранилось). «Василия, Божиею милостию государя и самодержца всея Русии и великого князя повелением слита бысть сия пушка в преименитом и славном граде Москве, в лета семь тысяч двадцать перваго маяя въ 8 день, господства его... делал Булгак Ноугородов» (Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археологической комиссией. СПб., 1853. Т. 5. С. 304).

³⁰ *Филюшкин А. И.* Титулы... С. 58, 59.

В сочетании с указанием на имя наследника понятие «самодержец» нередко употреблялось в контексте передачи и наследования власти. Так, Иван III именуется «самодержцем» в описании венчания на великое княжение его внука Дмитрия, первой публичной церемонии назначения наследника в русской истории³¹. Василий III упоминается как самодержец в так называемом «Послании Спиридона-Саввы», которое обосновывало преемственность его власти от библейских и античных правителей, византийских императоров и киевских князей³².

В этом же контексте династической преемственности следует интерпретировать надпись на шлеме Ивана Грозного. Чтобы определить функции кириллической надписи и арабграфического орнамента на шлеме, их следует рассмотреть с точки зрения классификации разных типов письма, предложенной Саймоном Франклином. В основе его классификации лежит именно функциональное назначение носителя текста. Шлем относится к надписанным предметам княжеского обихода, которые исследователь рассматривает в одной группе с монетами и печатями³³. Надписи на таких предметах относятся к типу письма, создание которого входило в процедуру изготовления предмета, но которое не являлось главной функцией предмета. Саймон Франклин называет этот тип письма «письменность второго разряда» в отличие, например, от пергаменных кодексов или берестяных грамот, созданных специально для передачи письма (письменность первого разряда)³⁴.

Ю. Ф. Игина предлагает иную классификацию надписей. Она относит надпись на шлеме к владельческим надписям первого типа, в которых указывается предмет и его владелец (во владельческих надписях второго типа, согласно автору, также указываются обстоятельства приобретения или изготовления предмета)³⁵. Разграничение между этими типами надписей автор проводит довольно произвольно. Так, цитируя духовную Дмитрия Жилки, Ю. Ф. Игина считает, что хранившаяся в его казне посуда Василия III включала надписи с информацией о передаче предметов Жилке, т. е. надписи второго типа.

На самом деле формат записей о посуде Василия III в духовной грамоте Жилки гораздо сложнее: в начале записи указывается предмет и его физические характеристики («ковшь болшой грановит»), затем источник происхождения («што мнѣ дал князь велики Василей»), место размещения надписи на предмете («венец оу него писан золочон») и только после этого излагается текст самой надписи («има великого княза Василья Ивановича всея Рѹси — т. е., согласно Ю. Ф. Игиной, надпись первого типа) и приводится описание украшений («а на полке литы звѣри»)³⁶.

³¹ L'idea di Roma a Mosca secoli XV–XVI. Fonti per la storia del pensiero sociale russo. Roma, 1989. P. 69. — При Иване Грозном его наследник десятилетний царевич Иван также стал именоваться «самодержцем» (Филошкин А. И. Титулы... С. 59–60).

³² Дмитриева Р. П. Сказание о князьях Владимирских. М., 1955. С. 165.

³³ Франклин С. Письменность, общество и культура Древней Руси, около 950–1300 гг. СПб., 2010. С. 94–102, 112–113.

³⁴ Франклин С. Письменность... С. 112–113. — Письменность третьего разряда, согласно автору, составляют тексты на предметах, созданных изначально для других целей (например, граффити на стенах и сосудах). Ср. классификацию эпиграфических текстов в работе А. А. Медынцевой, где надписи на оружии, драгоценной утвари и предметах культа выделяются в отдельную категорию «надписи на предметах прикладного искусства»: Медынцева А. А. Грамотность в Древней Руси. По памятникам эпиграфики X – первой половины XIII века. М., 2000. С. 14. Классификация А. А. Медынцевой основана на слишком узкой трактовке понятия «эпиграфика», которая исключает монеты, печати и берестяные грамоты (см.: Франклин С. Письменность... С. 45. Примеч. 7).

³⁵ Игина Ю. Ф. Казус шлема... С. 75–76.

³⁶ ДДГ. С. 411.

Сведения о происхождении предмета, таким образом, не являются частью эпитафического текста, нанесенного на утвари Василия III, которая упоминается в завещании Жилки. На сохранившейся посуде Василия III с надписями также обычно указывается только его титул и имя³⁷. Таким образом, духовная грамота Жилки показывает, что предметы, несущие, по классификации Ю. Ф. Игиной, владельческие надписи первого типа с именем Василия III, вполне могли передаваться великим князем его родственникам.

В отличие от классификации Саймона Франклина, предложенная Ю. И. Игиной классификация владельческих надписей игнорирует носитель письма и потому практически бесполезна для изучения функционального назначения эпитафического текста. Это ясно видно на примере надписей на известных золотых монетах Ивана III из Эрмитажа («корабельник» и «угорский» золотой)³⁸:

«Корабельник»:

Корабелникъ княз великаго Івана Васильевича всеа Русі и его // сна великаго княз Івана Ивановича вели

«Угорский» (дукат):

Кнзь · великі Іван Василье · //кнзя · в · ликог Івана Ивановичу всеа Рѣс ·

Формально надписи на этих монетах, как и надписи на стогольском шлеме и посуде Василия III, относятся, по классификации Ю. Ф. Игиной, к владельческим надписям первого типа: существительное в именительном падеже указывает на предмет («корабельник»), титул и имя собственное в родительном падеже обозначают владельца предмета. При этом обстоятельства создания предмета не указаны, нет и прямых сведений о заказчике предмета.

Однако вряд ли кто-нибудь станет серьезно утверждать, что смысл надписей на монетах сводится всего лишь к указанию, кто был владельцем этих круглых кусочков золота весом в несколько граммов. Не вдаваясь в подробности дискуссии о месте чеканки золотых Ивана III и об их хождении в качестве платежного средства, достаточно вслед за В. А. Калининым констатировать, что выпуск золотой монеты при Иване III «имел декларативный, политический характер»³⁹. Надписи на золотых монетах Ивана III, в которых упоминается правящий монарх и его

Рис. 1. Арабская и кириллическая надписи на деньге Ивана III (оборотная сторона). Собрание автора

³⁷ Чаша Василия III 1515 г., происходящая из Патриаршей ризницы (ныне в Оружейной палате Московского Кремля, инв. № МР-1155) (см.: *Савва, архиепископ*. Указатель для обозрения Московской патриаршей (ныне Синодальной) ризницы. М., 1883. 5-е изд. С. 42; *Постникова-Лосева М. М.* Золотые и серебряные изделия мастеров Оружейной палаты XVI–XVII вв. // Государственная Оружейная палата Московского Кремля. Сборник научных трудов по материалам Государственной Оружейной палаты / Под ред. Богоявленского С. К., Новицкого Г. А. М., 1954. С. 164–166; *Писарская Л. В. и др.* Русские эмали XI–XIX вв. М., 1974. С. 22, 23; *Shifman V., Walton G.* Gifts to the Tsars, 1500–1700: Treasures from the Kremlin. New York, 2001. P. 138). Схожая чаша Василия III (Оружейная палата Московского Кремля, инв. № МР-1129): *Опись Московской Оружейной палаты*. Ч. 2. С. 7–8. № 527 (изделие неточно названо ковшом); *Левыкин А. К., Загородняя И. А.* «Во утверждение дружбы...» С. 124. № 94. Выносной серебряный ковш Василия III из ризницы Троице-Сергиевой лавры (ныне в Сергиево-Посадском музее-заповеднике, инв. 331 ихо): *Ризница Свято-Троицкой Сергиевой Лавры*. Т. I. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2014. С. 172–173.

³⁸ *Зайцев В. В.* Русские монеты... № 1, 2. — Надписи воспроизводятся по прорисям монет и фотографиям в таблице 1 указанной публикации.

³⁹ *Самойлова Т. Е.* Великий князь и государь всея Руси Иван III. М., 2013. С. 38.

наследник, являются владельческими только по форме, а по сути они, несомненно, служили средством пропаганды преемственности власти в семье московского князя⁴⁰.

Такую же функцию выполнял и шлем Ивана Грозного. Каким бы ни было происхождение шлема, очевидно, что ребенок, которому было максимум три года, не нуждался в боевом шлеме. Несомненно, перед нами статусный церемониальный головной убор, рассчитанный на публичную демонстрацию. Насыщенная титулатурой надпись на шлеме декларировала родственную связь между наследником, который, несмотря на малолетний возраст, уже представлялся как воин, и его отцом, государем всея Руси и самодержцем.

Сомнения Ю. Ф. Игиной по поводу кандидатуры заказчика шлема совершенно не учитывают историю вопроса о наследнике в семье Василия III. В надписи упомянуто два члена династии — малолетний князь Иван и его отец Василий III. Вряд ли нужно тратить время на обсуждение версии, что в роли заказчика мог выступить ребенок. Именно Василий имел все основания для заказа шлема. Проблема наследования была особенно актуальна для Василия из-за долгой бездетности великокняжеской четы. По этой причине Василий развелся с первой женой Соломонией Сабуровой. Вполне понятно, что после рождения сына от второй жены, Елены Глинской, Василий III всеми силами старался сохранить физическое здоровье и политическое будущее наследника. Чрезвычайная озабоченность Василия состоянием малолетнего наследника Ивана прекрасно видна из его переписки с Еленой Глинской⁴¹. Как было отмечено выше, наследование власти Иваном было одной из основных тем договора Василия III и его брата Юрия Дмитровского. Стокгольмский шлем, несомненно, находится в русле династической политики Василия, нацеленной на обеспечение наследования власти его сыном Иваном.

Рис. 2. Всадник (великий князь) с копьем на деньге Ивана III (лицевая сторона). Собрание автора

Необычное оформление шлема, которое включает арабграфические знаки, естественно, вызывает вопрос об аналогичных произведениях великокняжеских мастеров. Восточное снаряжение с куфическими надписями и их имитациями нередко встречается в московских арсеналах, но стокгольмский шлем отличается от них по нескольким важным параметрам. В качестве аналогов декора шлема Ю. Ф. Игина вслед за С. П. Орленко указывает бутурлыки (поножи) первой половины XVII в. из кремлевского собрания и зеркальный доспех XVI в. из Королевской Оружейной палаты в Стокгольме. Однако по технике исполнения эти предметы весьма далеки от стокгольмского шлема. Судя по опубликованным фотографиям предметов, имитация арабской надписи на бутурлыках выполнена плавными изгибающимися линиями, в то время как изгибы линий орнамента на шлеме Ивана Грозного более резкие и в целом более изящные⁴². В случае с зеркальными доспехами из Стокгольма случай противоположный: их мастер искусно варьировал толщину и изгибы знаков орнамента, создавая оптическую иллюзию сложного многослойного плетения. Создатель шлема Ивана Грозного явно не владел таким мастерством.

⁴⁰ О золотых Ивана III см. литературу, указанную в кн.: Зайцев В. В. Русские монеты... № 1, 2; Самойлова Т. Е. Великий князь... С. 38.

⁴¹ Письма русских государей и других особ царского семейства, изданные Археографическою комиссиею. М., 1848. С. 3–5.

⁴² Орленко С. П. К вопросу о деятельности... С. 443. Рис. 2; С. 444. Рис. 3.

Кроме того, на фотографиях снаряжения, указанного С. П. Павленко и Ю. Ф. Игиной, нигде не видно чешуйчатой позолоты, которой выполнен орнамент на шлеме Ивана Грозного. Наконец, в отличие от шлема, ни бутурлыки, ни зеркальный доспех не имеют надписей, связывающих их с членами правящей династии. Поэтому бутурлыки и зеркальный доспех никак не могут быть отнесены к изделиям круга мастера шлема Ивана Грозного и, следовательно, ничего не говорят об истории его создания.

Рис. 3. Кириллическая вязь, стилизованная под арабскую каллиграфию, на монете Василия III (оборотная сторона). Собрание автора

При поиске аналогов шлема прежде всего следует учитывать его графическое оформление, которое, как было показано, включает арабграфичную идеограмму и кириллическую надпись. Логично предположить, что подобное графическое оформление может присутствовать и на других предметах, несущих, согласно Саймону Франклину, письменность второго разряда. Действительно, с точки зрения изделий с надписями, декларирующими статус московского пра-

вителя, ближе всего к шлему Ивана Грозного оказываются монеты Ивана III и Василия III с арабскими надписями и их имитациями. В данном случае не столь важно, при каких обстоятельствах Иван III начал чеканить монеты со своим именем «Ибан», написанным арабской вязью (рис. 1). Несмотря на разные точки зрения по этому вопросу, современные исследователи соглашаются, что эта чеканка имела прежде всего «идеологическую», а не экономическую направленность⁴³. На этих монетах мы встречаем комбинацию арабских письменных знаков и кириллических надписей, содержащих имя правителя и те же титулы, которые приводятся и в надписи на шлеме Ивана Грозного (великий князь, [г]осподарь всея Руси)⁴⁴.

Рис. 4. Всадник на монете Василия III (лицевая сторона). Собрание автора

Как указывает В. В. Зайцев, появление арабской надписи на обратной стороне монет, чеканенных в Москве при Иване III, сопровождалось изменением изображения на лицевой стороне: вместо невыразительного цветка там теперь помещалось изображение всадника (великого князя) с саблей в приподнятой правой руке⁴⁵.

⁴³ О разных взглядах на датировку и, соответственно, политический контекст чеканки монет Ивана III с арабской надписью см.: *Чернявский М.* Хан или василевс. Один из аспектов русской средневековой политической теории // *Из истории русской культуры.* М., 2002. Т. 2. Кн. 1. Киевская и Московская Русь. С. 451–452; *Зайцев В. В.* Русские монеты... С. 17–18, 21; *Самойлова Т. Е.* Великий князь... С. 181 (описание С. В. Зверева).

⁴⁴ Монеты Ивана III с кириллическими и арабскими надписями: *Зайцев В. В.* Русские монеты... № 4–5.3, 111, 112, 113. — Монеты периода Ивана III или Василия III с подражанием арабским надписям: *Зайцев В. В.* Русские монеты... № 144, 180. — Следует также отметить монеты Василия III, на которых его титул «государь всея Руси» (иногда в сокращенном виде «государь») выполнен кириллической вязью, стилизованной под арабскую графику (рис. 3, 4) (см.: *Зайцев В. В.* Русские монеты... № 28–35, 66, 175, 176.1, 176.2).

⁴⁵ *Зайцев В. В.* Русские монеты... С. 16–17.

В Новгороде после его присоединения к Москве в 1478 г. чеканились монеты Ивана III с арабской надписью и всадником с копьем (рис. 1, 2)⁴⁶. Обращение к арабской графике при передаче имени правителя, таким образом, сопровождалось пропагандой титулов великого князя и визуализацией его образа как воина. Нетрудно заметить, что идейная программа шлема Ивана Грозного основана на тех же самых принципах: отсылки к арабской графике как символу высокого статуса, активное использование титулов и тесная связь с воинской культурой, в контексте которой Иван, несмотря на свой юный возраст, уже представлялся как будущий воин, имевший свой собственный шлем.

Кириллическая надпись и имитация арабского письма вместе составляют графически оформленную эмблему династической власти. Подобная многофункциональность письма и его имитаций типична для изделий княжеского обихода, функция которых, естественно, не ограничивалась несением письменного текста⁴⁷. Шлем Ивана Грозного, таким образом, является прежде всего декларацией династической политики Василия III, и в этом смысле его история должна рассматриваться в контексте других династических регалий, включая парадные золотые шлемы, заказанные Иваном Красным для своих сыновей Дмитрия (будущего Донского) и Ивана. Ю. Ф. Игина отрицает династический статус этих уборов на том основании, что в последствии Дмитрий Донской, по всей видимости, передал золотые шлемы не своему старшему сыну Василию, а третьему сыну Андрею⁴⁸.

Здесь следует учитывать, что статус регалий мог меняться с течением времени. Так, начиная с Дмитрия Донского и вплоть до Ивана III в великокняжеской семье особым почетом пользовался крест в киоте работы мастера Парамши, который всегда доставался старшему сыну. Однако Иван III изменил эту традицию, передав древнюю реликвию не старшему, а третьему сыну, угличскому князю Дмитрию Жилке⁴⁹. Очевидно, решения о распределении казны между сыновьями принимались великим князем исходя из конкретных обстоятельств, которые мы, скорее всего, никогда не узнаем. Поэтому факт наследования реликвии одним из младших сыновей не может служить аргументом о статусе данного предмета в предыдущих поколениях великокняжеской семьи.

В своих предыдущих работах я писал, что удельные князья играли очень важную роль в сохранении династических регалий, в частности, золотых пластин из шлемов-шишаков, заказанных Иваном Красным для своих сыновей. На определенном этапе шлемы оказались в казне белозерских князей, а потом вернулись в великокняжескую казну в составе имущества белозерского князя Михаила Андреевича. Получив доступ к золотым шлемам, мастера Василия III передали их в Шапку Мономаха⁵⁰.

Сопоставив сохранившийся неполный список казны белозерского князя Михаила Андреевича с упомянутым выше списком казны Дмитрия Жилки можно заметить много

⁴⁶ Зайцев В. В. Русские монеты... № 111, 112, 113.

⁴⁷ Франклин С. Письменность... С. 131.

⁴⁸ Игина Ю. Ф. Казус шлема... Примеч. 56.

⁴⁹ ДДГ. С. 16, 18, 36, 56, 59, 61, 197, 362. — В духовных Василия II и Ивана III изделие Парамши названо золотым крестом, в то время как в более ранних великокняжеских завещаниях речь идет об иконе работы Парамши. Подобным образом другой крест, связанный каким-то образом с патриархом Филофеем, мог именоваться в духовных грамотах и крестом, и иконой (ДДГ. С. 59, 61, 197, 362). О кресте Парамши см.: Кучкин В. А. Духовные грамоты московского великого князя Ивана Ивановича Красного // Средневековая Русь. М., 2004. Вып. 5. С. 268. — Можно полагать, что крест Парамши был подобен так называемой «Филонеевской ставроптеке» из собрания Московского Кремля (Самойлова Т. Е. Вера и власть. Эпоха Ивана Грозного. М., 2007. С. 40, 41). В завещании Жилки крест Парамши уже не упоминается (ДДГ. С. 410–411).

⁵⁰ Богатырев С. Н. 1) Шапка Мономаха... С. 183–186; 2) Еще раз о Шапке Мономаха и казне великих князей // Петербургские славянские и балканские исследования. 2011. № 2 (10). С. 251–254.

общих черт. Состав казны обоих князей во многом схож, включая значительное количество женских украшений, кружев и постельных принадлежностей, а также полное отсутствие оружия⁵¹. Вместе с тем в обоих завещаниях фигурируют престижные головные уборы. В казне Михаила хранился царский венец (заметим, в казне московских князей царских венцов тогда еще не было). Согласно духовной Дмитрия Жилки, он передавал два золотых шлема-шишака своему старшему брату Василию III⁵²:

А в казнѣ моеи [...] два чичака золоты, шдин грановит, а на шбѣих ѣхонты сини да зерна гурмыские.

По всей видимости, здесь идет речь именно о золотых шлемах Ивана Красного, хранившихся потом на Белозере. Известно, что в казне Дмитрия Жилки присутствовали вещи из состава имущества Михаила Андреевича Белозерского. В частности, у Жилки имелся «ковшъ болшой, венец оу нег(о) писан золочон, има кн(а)за Михаила Шндрѣвича, а на полке птица золочона»⁵³. Вполне вероятно, что наряду с белозерским ковшом к Жилке попали и древние шлемы из белозерской казны. Свидетельство духовной Жилки, что один шлем был «грановит», соответствует морфологии Шапки Мономаха, в которой золотые пластины тульи также образуют поставленные на конус грани⁵⁴. По духовной угличского князя золотые шишаки были возвращены Василию III, а тот, по всей видимости, распорядился о переделке их в парадный головной убор, известный ныне как Шапка Мономаха. Таким образом, создание Шапки Мономаха следует отнести к периоду между составлением духовной Жилки в 1521 г. и вторым визитом в Москву Сигизмунда Герберштейна, который уже видел Шапку Мономаха в великокняжеской казне в 1526 г.

Золотые шлемы (или их детали) из белозерской казны оказались востребованы только при Василии III, поскольку он не унаследовал традиционных династических головных уборов из-за династического кризиса, спровоцированного его отцом Иваном III⁵⁵. Именно поэтому мастера Василия вынуждены были переделывать в парадные уборы имеющиеся в наличии шлемы.

Очевидно, подобный случай произошел и со шлемом Ивана Грозного. Сравнив метрические параметры шлема Ивана Грозного, шлема царевича Ивана Ивановича и четырех взрослых шлемов из собрания Эрмитажа, Ю. Ф. Игина сделала вывод, что шлем Ивана Грозного сопоставим по массе со взрослыми шлемами и существенно отличается по массе от детского шлема Ивана Ивановича. Шлем Ивана Грозного действительно тяжелее шлема Ивана Ивановича. В то же время следует отметить, что по сравнению со шлемами из Эрмитажа, шлем Ивана Грозного легче, а его диаметр меньше (см. таблицу 1)⁵⁶.

---

⁵¹ А. К. Левыкин отметил, что оружие вообще очень редко упоминается в княжеских завещаниях (*Левыкин А. К. Оружейная палата в XVI столетии // Русская художественная культура XV–XVI веков. Материалы и исследования Гос. историко-культурного музея-заповедника «Московский Кремль». Вып. 9. М., 1998. С. 252*).

⁵² ДДГ. С. 410–411.

⁵³ ДДГ. С. 411.

⁵⁴ К сожалению, духовная Жилки ничего не говорит о форме и состоянии другого золотого шлема (он мог храниться в разобранном виде, и потому его форма не указана). По всей видимости, в целом шлемы были очень схожи, но различались ориентацией элементов орнамента (см.: *Богатырев С. Н. Еще раз о Шапке Мономаха и казне великих князей // Петербургские славянские и балканские исследования. 2011. № 2 (10)*).

⁵⁵ См. подробнее: *Богатырев С. Н. Шапка Мономаха... С. 172–176, 179, 180*.

⁵⁶ По данным Ю. Ф. Игиной. Высота шлема Ивана Ивановича приводится на основе данных А. В. Лаврентьева, полученных им от С. П. Орленко.

Метрические показатели шлемов

Шлем	Вес, г	Диаметр, см	Высота, см
З. О. 7854	1630	21,5/20,7	35
В. О. 1248	1430	20,3/21,5	38,5
З. О. 7853	1360	19,8/20,2	38
З. О. 7613	1260	20	39
Шлем Ивана Грозного	1180	19	38
Шлем Ивана Ивановича	697,5	18,3	32

Таким образом, очевидно, что для наследника Василия III был сознательно выбран или изготовлен легкий шлем с уменьшенным диаметром. Мы точно не знаем, как конкретно использовался шлем в придворном ритуале — надевался ли он на голову ребенка или просто выносился во время публичного появления наследника. В первом случае следует учитывать, что металлический шлем обычно надевался не прямо на голову, а на мягкую шапку, служившую подкладкой (соответственно, диаметр шлема должен был учитывать размер такой шапки). В последнем случае вообще не требовалось подгонки головного убора под размер головы (здесь можно вспомнить, что Шапка Мономаха также исключительно неудобна для ношения на голове из-за слишком большого диаметра).

Да и вообще трудно ожидать от мастеров Василия III, привыкших делать боевые доспехи, особого мастерства в изготовлении парадного доспеха для ребенка. Ко времени создания шлема Ивана Грозного (1530–1533 гг.) московские мастера еще не достигли той виртуозности, какую они будут демонстрировать во второй половине XVI – XVII в. Неслучайно в то время доминирующее положение в оружейном производстве занимали иностранные мастера, у которых состояли в учениках русские подмастерья⁵⁷. Сделанная на шлеме кириллическая надпись показывает, что ее выполнил мастер, обладавший весьма ограниченными навыками письма: в тексте есть только одно сокращенное слово («сына»), причем над ним нет титла, в надписи также отсутствуют лигатуры, отдельные

⁵⁷ В первой половине XVI в. импорт технологий из Европы был главным направлением в сфере технических контактов между Западом и Россией. Однако обмен шел и в противоположном направлении, хотя и в очень ограниченном объеме. Европейские оружейники проявляли определенный интерес к работе московских мастеров. В частности, знаменитый миланский оружейник Филиппо Негроли (Filippo Negrolì) создал около 1532–1535 гг. для урбинского герцога Франческо Мария I делла Ровере кольчужно-пластинчатую кирасу. Хотя кольчужно-пластинчатые доспехи типичны прежде всего для исламских стран, кираса Негроли конструктивно ближе не к восточным доспехам, а к московским бехтерцам, которые могли попасть в Милан в качестве дипломатических подарков или менее вероятно в качестве трофеев (Pyhrr Stuart W., Godoy José-A., Leydi S. Heroic Armor of the Italian Renaissance: Filippo Negrolì and His Contemporaries. New York: The Metropolitan Museum of Art, 1998. No. 19. P. 117–123). Пушечный мастер из Любека Карстен Миддельдорп (активен в 1543–1560 гг.) также использовал в оформлении одного из своих орудий достоверные изображения регалий московского царя (см.: Богатырев С. Н. Шапка Мономаха... С. 176–178). Характерно, что Негроли и Миддельдорп работали в городах, имевших тесные дипломатические и коммерческие связи с Россией в конце XV – первой половине XVI в.

буквы отклоняются от вертикальной оси в разные стороны. По характеру исполнения надпись на шлеме близка к некоторым другим безыскусным образцам эпиграфики 1530-х – 1540-х гг., включая надпись на орудином стволе мастера Игнатия 1541/42 или 1542/3 г. из Артиллерийского музея в Санкт-Петербурге (рис. 5, 6)⁵⁸.

Наряду с Шапкой Мономаха шлем Ивана Грозного из Стокгольма представляет собой самый ранний из сохранившихся образцов династических головных уборов. Как и Шапка Мономаха, шлем эклектичен, что является характерной особенностью династической «идеологии» начального периода московского самодержавия времен Ивана III и Василия III. В то время кремлевские мастера еще только накапливали опыт выражения династических идей в произведениях придворного искусства. Концепция власти московского государя тогда еще не получила ярко выраженного конфессионального характера, который позже займет центральное место в макарьевских представлениях о царской власти, основанных на воинствующем православии. Поэтому изделия, пропагандирующие власть Ивана III и Василия III, вполне допускали использование мусульманских надписей и мотивов.

Как и монеты рассматриваемого периода, шлем выражает идею преемственности великокняжеской власти, создавая образ монарха-воина через сочетание элементов мусульманского искусства и декларативных кириллических надписей. Графическое и художественное оформление шлема полностью соответствует идейной программе, пропагандирующей статус монарха и его наследника. Декор головного убора также находит параллели в дизайне других шлемов и утвари из собраний высшей знати XVI столетия.

* * *

Переходя к статье А. В. Лаврентьева, следует начать с ее методологии. А. В. Лаврентьев известен как автор монографии, удачно сочетающей в себе «вещевой» анализ материальных предметов и исторический анализ письменных источников⁵⁹. Именно такой

---

⁵⁸ Надпись на стволе выполнена крайне неумело. Исполнивший ее мастер не смог даже расположить буквы по одной линии, некоторые буквы наклонены в разные стороны, в тексте отсутствуют необходимые титла (отсюда трудности с датировкой изделия), расположение букв на строке нарушается грубо выполненным изображением какого-то животного, отдаленно напоминающего льва (рис. 6). При этом остальной декор орудия выполнен очень профессионально, включая разнообразные элементы ренессансного орнамента и виртуозные изображения оленей по мотивам гравюры Лукаса Кранаха (рис. 7). А. П. Лебедевская осторожно заметила, что происхождение Игнатия остается неясным, однако в работах последующих исследователей Игнатий превратился в русского умельца, обладавшего высоким художественным мастерством. Вопиющий контраст в исполнении разных частей декора ствола, особенно в изображениях животных, показывает, что над орудием явно работало два мастера. Игнатий — это русифицированное имя головного мастера западного, очевидно, немецкого происхождения, который владел визуальными средствами ренессансной культуры, но не умел писать по-русски. Поэтому надпись сделал какой-то неопытный русский мастер или подмастерье, состоявший в учениках у Игнатия. Этот русский «умелец» также попробовал себя в анималистике (ср.: *Лебедевская А. П.* Очерки из истории пушечного производства в Московской Руси // Сборник исследований и материалов Артиллерийского исторического музея Красной армии. М.; Л., 1940. Вып. 1. С. 70–76; Каталог материальной части отечественной артиллерии / Под ред. А. А. Бумагина. Л., 1961. № 234. С. 134–135; Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи: История и коллекция / Под ред. В. М. Крылова. СПб., 2004. С. 46; *Лобин А. Н.* Артиллерия в царствование Ивана Грозного // «В кратких словесах многой разум замыкающе...» / Под ред. Дворниченко А. Ю. СПб., 2008. С. 287).

⁵⁹ *Лаврентьев А. В.* Люди и вещи. Памятники русской истории и культуры XVI–XVII вв., их создатели и владельцы. М., 1997.

междисциплинарный подход позволяет преодолеть традиционный барьер, отделяющий исторические исследования от работ по искусствоведению и музейному делу.

Книга А. В. Лаврентьева является одним из редких примеров систематического междисциплинарного исследования в российской историографии. Его работа находится в русле современных подходов к изучению вещей в социальном и культурном контексте совместными усилиями историков (включая историков искусства), археологов, этнографов и антропологов. Авторы подобных междисциплинарных исследований особенно интересуются движением вещей в обществе. Именно траектория движения вещей (в виде товаров, подарков, наследства, трофеев) позволяет выявить и интерпретировать действия человека с вещами, благодаря которым предметы «оживают» и начинают «говорить». Таким образом, у исследователя появляется возможность воссоздать, пользуясь выражением американского антрополога русского происхождения Игоря Копытоффа, «биографию вещи»⁶⁰.

Следуя вышеуказанной методологии, А. В. Лаврентьев совершенно справедливо рассматривает стокгольмский шлем, в особенности сделанную на нем надпись, в контексте взаимоотношений между членами правящей династии. Благодаря такому подходу автор убедительно показывает, что шлемы наследников выполняли важную церемониальную функцию.

Разбор конкретных наблюдений А. В. Лаврентьева удобно провести в обратной хронологической последовательности, начав с самого позднего из известных шлемов наследника, а именно со шлема, принадлежавшего царевичу Ивану Ивановичу, потом перейти к стокгольмскому шлему, а в заключении рассмотреть проблему шлемов Ивана Красного.

Шлем царевича Ивана Ивановича был создан в 1557 г., как традиционно считается, в связи с достижением трехлетнего возраста царевича, когда обычно проводился обряд «посажения» наследника на коня. Предлагаемый А. В. Лаврентьевым пересмотр этой точки зрения представляет несомненный интерес. Если бытовавший в домонгольской Руси обычай «посажения» наследника на коня не имеет отношения ни к трехлетнему возрасту наследника, ни к периоду правления Ивана Грозного, то изготовление шлема для царевича Ивана Ивановича в 1557 г. действительно требует объяснения.

Рис. 5. Гаубица мастера Игнатия, 1541/42 или 1542/43 г. Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи. Санкт-Петербург. Фото автора

⁶⁰ *Kopytoff I.* The Cultural Biography of Things: Commoditization as Process // Appadurai A. (ed.). *The Social Life of Things. Commodities in Cultural Perspective.* Cambridge, 1986. P. 64–91; см. также: *Daston L.* (ed.). *Things That Talk. Object Lessons from Art and Science.* New York, 2004.

По всей видимости, заказ шлема был частью развернутой царем кампании по обеспечению преемственности власти в царской семье после смерти первого наследника, царевича Дмитрия.

Непосредственным стимулом для активизации усилий в этом направлении стало прибытие в Москву представителя константинопольского патриарха митрополита Иоасафа осенью 1556 г. Это была первая за долгое время миссия из Константинополя, возглавляемая иерархом столь высокого ранга. Более того, Иоасаф сообщил, что патриарх утвердил в константинопольских церквях регулярное поминание царя и его отца Василия III наряду с другими благочестивыми царями.

Рис. 6. Надпись и изображение животного на стволе мастера Игнатия. Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи. Санкт-Петербург. Фото автора

Царь использовал эту ситуацию в интересах своей династии. Как известно, в ответ на миссию Иоасафа в январе 1557 г. Иван Грозный отправил к патриарху своего представителя архимандрита Феодорита с требованием подтвердить царский титул. Одновременно царь просил молиться за него самого и его семью, в особенности за наследника царевича Ивана. Это было первое упоминание царевича среди царских родственников, за которых следовало молиться восточным церковным иерархам. Позже требование молитв за здоровье царевича будет повторяться регулярно⁶¹. Вполне логично, что последовавшая за миссией Иоасафа активизация династической политики привела к заказу церемониального шлема для наследника.

Были ли какие-нибудь прецеденты создания подобной регалии в правящей семье? Используя стокгольмский шлем, А. В. Лаврентьев в целом отвечает на этот вопрос утвердительно, и здесь с ним следует полностью согласиться. В то же время я не убежден, что нам нужно отказываться от традиционной атрибуции стокгольмского шлема Ивану Грозному. По мнению А. В. Лаврентьева, формат владельческих надписей предполагает, что первым в тексте упоминается отец, а потом наследник. В то же время при традиционной атрибуции головного убора получается, что первым в надписи на шлеме упомянут наследник князь Иван.

В целом наблюдение А. В. Лаврентьева о формате записей правильно, но этот вывод нельзя абсолютизировать. А. В. Лаврентьев сам привел примеры, когда отец в надписях вообще не упоминался, указав, в частности, на нож старицкого князя Андрея Ивановича 1512/13 г., а также на посуду сына Петра I царевича Алексея и дочери Михаила Федоровича царевны Татьяны.

Имеют ли эти данные какое-нибудь отношение к наследнику престола? Казалось бы, на этот вопрос можно ответить отрицательно, так как ни Андрей Старицкий, ни царевна Татьяна наследниками московского престола не были, а царевич Алексей вообще был знаменем оппозиции, выступавшей против петровских реформ. Однако в Оружейной палате

⁶¹ Подробнее о династическом аспекте взаимоотношений с православным Востоком в 1557 г. см.: *Bogatyrev S. Reinventing...* P. 284–288.

Московского Кремля сохранилось два предмета с аналогичными надписями с упоминанием наследника и без имени отца, причем обе вещи происходят из казны царевича Ивана Ивановича, статус которого как легитимного наследника Ивана Грозного не вызывает никакого сомнения⁶². Таким образом, формат владельческих надписей допускал упоминание наследника престола без ссылки на его отца.

Что касается надписей, в которых упоминаются старший и младший член княжеской семьи, порядок их имен в тексте все-таки мог варьироваться. Например, в надписи на воздухе 1485 г. имя великой княгини рязанской Анны указано перед именем ее сына великого князя рязанского Ивана Васильевича⁶³. В то же время на плащанице 1561 г. сделана надпись, где первым упоминается имя старицкого князя Владимира Андреевича, а потом имя его матери княгини Ефросинии⁶⁴. Особенно интересно обозначение титулов и родства заказчицы в надписи на пелене супруги великого князя Ивана III Софии Палеолог 1499 г. Перед ее именем указаны титулы «царевна царгородская» и «великая княгиня московская» (характерна последовательность титулов!). Только после имени заказчицы следует ссылка на ее мужа («великого князя московского»), причем, судя по публикации надписи, его имя вообще не указано, хотя иерархический статус правящего великого князя был несомненно выше статуса его жены⁶⁵.

Рис. 7. Изображение оленя по мотивам гравюры Лукаса Кранаха на стволе мастера Игнатия. Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи. Санкт-Петербург. Фото автора

⁶² Сулея, СВ-1943, XXX-795, Оп. 2699 (надпись: «Сулея царевича князя Ивана Ивановича»); ковш, принадлежавший ранее новгородскому архиепископу Евфимию, СБ-3052, VII-622, Оп. 16551 (надпись: «црвча Ивана»). Выражаю искреннюю благодарность М. Г. Ракиной, указавшей мне эти предметы.

⁶³ «В лет 6993 индикта 3 сии въздухъ созданъ бы въ цркъвъ усъенье стей бци в граде переяславли резанскомъ замышленьемъ блгородныя и блговерныя и хрстолюбивыя великия княгини Анны и при ее сне блгороднемъ и блговерномъ и хрстолюбивомъ великом князи иоанне васильевичи резанскомъ и при епискоупе симеоне резанскомъ и моуромскомъ а кончанъ сии въздухъ въ лет 94 мца сентяврия 30 на память стго сщномчнка григория великиа армения» (Маясова Н. А. Древнерусское шитье. М., 1971. № 24).

⁶⁴ «Ле 7069 го блгодатию стаго дха стья и живоначалные троица и прчстыя ег бгомтре и млтвою прпдобнаго отца нашего сергия при блгочтивомъ цри великомъ кнзе иване василиевичи всея русе и преосщенномъ митрополите макарии зделанъ бысть сии въздухъ в домъ стья живоначалныя троица повелениемъ блговернаго гсдря князя владимера андреевича внука великого князя ивана василевича правнука великаго князя василя василевича темнаго и блговерныя ег мтри княж андреевы иванович кнгини еуфросини данъ сии въздухъ на чсть и на поклонение всемъ православнымъ хрстианомъ и на воспоминание последнему роду в вечный поминокъ по свои(х) дшахъ и вовеки ами(н)» (Маясова Н. А. Древнерусское шитье. № 44).

⁶⁵ Имя Ивана III приводится в самом начале надписи, но там оно указано как хронологический ориентир вне контекста родства с Софией: «лет 7007 создана сия пелена при блговерномъ великомъ кнзе иване васильевич всея руси и при его сне великомъ кнзе василе ивановиче и при

Переходя к титулатуре лиц, упомянутых в надписи⁶⁶ на стокгольмском шлеме, следует выделить два взаимосвязанных, но разных вопроса. Первый из них: какие титулы относятся к Ивану Васильевичу, а какие — к Василию Ивановичу? Без сомнения, Иван Васильевич обладал титулом «князь», помещенным перед его именем. Мог ли Иван Васильевич также иметь титул «великий князь», который следует после имени? Если допустить такую возможность, получается, что Иван Васильевич, кем бы он ни был, обладал весьма экзотичной титулатурой, причем более престижный титул великого князя почему-то следует после менее почетного титула «князь». На мой взгляд, такая ситуация просто невероятна. Гораздо логичнее традиционная интерпретация, согласно которой титулы «великий князь», «господарь всея Руси» и «самодержец» относятся к Василию Ивановичу.

При таком прочтении есть единственный момент, который может показаться странным: указание на родство («сына») оказывается между титулом Василия Ивановича и его именем. Однако следует учитывать, что место обозначения родства не было четко зафиксировано в структуре эпиграфических текстов Московской Руси. Об этом свидетельствуют сохранившиеся в относительно большом количестве вкладные записи боярских жен. В этих текстах обычно упоминаются мужья-бояре, которые по московским понятиям имели более высокий социальный и семейный статус, чем их жены-боярыни. Нетрудно заметить, что даже в надписях на изделиях, вышедших одновременно из мастерской одной и той же боярыни, формуляр записи может варьироваться. Так, на одном покрове, созданном в мастерской Е. Ф. Милославской в 1651 г., ее семейный статус (боярыня) указан перед именем мужа, а на другом покрове того же года сначала обозначено имя мужа, а потом семейное положение Е. Ф. Милославской⁶⁷. Еще более показательна надпись на воздухе, созданном в мастерской жены Дмитрия Ивановича Годунова Стефаниды Андреевны. В тексте надписи указание на родство вообще оказалось посередине имени мужа: «положила в домъ с(вя)тому Б(о)гоявлению Дмитреевская жена Ивановича Году || нова Стефанида Ондреевна по своей д(у)ше и по своих родителей в вечный...»⁶⁸ Таким образом, титулы, следующие в надписи на шлеме после имени князя Ивана Васильевича, относятся не к нему, а к Василию Ивановичу.

Второй вопрос: кто такие Иван Васильевич и Василий Иванович? Если принять предложенную А. В. Лаврентьевым интерпретацию, получается, что Иван Васильевич — это Иван III, который именуется в надписи просто «князем», а его сын Василий Иванович имеет титулы великого князя, господаря всея Руси и самодержца. Хотя грамматически такое прочтение возможно, с исторической точки зрения оно крайне сомнительно. Конечно, мы знаем, что царь Иван Грозный мог позволить себе на время отказаться от великокняжеского титула. Но у нас нет никаких независимых от шлема доказательств, что такой же практики

архиепискупе симане митрополите замышлениемъ и повелениемъ црвны цр҃городцкыя великою кн҃гинею московскою софьею великого кнзѣя московского молилася троиче живоначалныя и сергею чудотворцу и приложила сии пелену» (*Маясова Н. А.* Древнерусское шитье. № 29).

⁶⁶ О соотношении между текстом надписи и орнаментом шлема см. выше.

⁶⁷ *Косицына М. Ю.* Лицевое шитье XVII века из княжеских и боярских светлиц в собрании музея «Новодевичий монастырь» // Древнерусское художественное шитье. Материалы и исследования Гос. историко-культурного музея-заповедника «Московский Кремль». Вып. 10. М., 1995 (URL: <http://www.kreml.ru/research/library000xf/muzei-moskovskogo-kremlya-materialy-i-issledovaniya/> (без пагинации, дата посещения — 20.09.2014)).

⁶⁸ *Маясова Н. А.* «Светлицы» в доме боярыня Дмитрия Ивановича Годунова // Произведения русского и зарубежного искусства XVI – начала XVIII века. Материалы и исследования Гос. музеев Московского Кремля. Вып. 4. М., 1984 (URL: <http://www.kreml.ru/research/library000wp/muzei-moskovskogo-kremlya-materialy-i-issledovaniya/> (без пагинации, дата посещения — 20.09.2014)).

придерживался и его дед Иван III⁶⁹. Поэтому нет оснований отказываться от традиционной атрибуции стокгольмского шлема малолетнему сыну Василия III.

Обращаясь к составу великокняжеской казны XIV в., А. В. Лаврентьев ставит под сомнение мое заключение о бытовании в то время золотых парадных шлемов, имевших статус регалий. Предлагаемая в моей работе интерпретация основана на традиционном понимании упоминаемого в завещаниях великого князя Ивана Ивановича Красного 1359 г. слова «чечакъ», которое обычно трактуется как шлем-шишак⁷⁰.

Опираясь на текст «Хождения за три моря» Афанасия Никитина, А. В. Лаврентьев предположил, что «чичяк» — это драгоценное украшение парадной шапки или шлема, но не сам шлем. Источником такой интерпретации послужило описание снаряжения бахманидского султана в «Хождении»⁷¹:

Практически все комментаторы и переводчики академических изданий сочинения Афанасия Никитина трактовали упомянутый в процитированном тексте «чичяк» как шишак. Обычно фрагмент переводится следующим образом⁷²:

Да на сапанъ кафманъ вѣ сажѣ ѿхо|нпы. да на шапкъ чичакъ
 ѿлма великий. да саадъ золѡ съ ѿхонпы. да| три сабли на нѣ
 золотѡ ѡкованы. да| сѣло золото. да снасть золота. да| все золото.

На султани кафтан весь яхонтами унизан, да шапка-шишак с огромным алмазом, да саадак золотой с яхонтами, да три сабли на нем все в золоте, да седло золотое, да сбруя золотая, все в золоте.

Единственное исключение — перевод С. Н. Кистерова, который предлагает толкование, близкое к интерпретации А. В. Лаврентьева⁷³:

А на султани кафтан весь унизан яхонтами, а на шапке шишак из большого алмаза, да саадак золотой с яхонтами, да три сабли окованные золотом и золотое седло, и золотая сбруя, и все золотое.

Какой перевод предпочтительнее? Как известно, в целом текст Афанасия Никитина, который осложнен многочисленными вставками на креолизированном арабском, имеет довольно сложную структуру. Первая попытка интерпретации сочинения тверского купца

⁶⁹ Кроме того, следует учитывать, что в период великого княжения Семиона Бекбулатовича Иван Грозный сохранил за собой более престижный царский титул, от которого он никогда не отказывался.

⁷⁰ ДДГ. С. 16, 18; *Богатырев С. Н.* 1) Шапка Мономаха... С. 183–186; 2) Еще раз о шапке Мономаха...

⁷¹ Хождение за три моря Афанасия Никитина / Под ред. В. П. Козлова и др. Тверь: Архивный отдел Тверской области, 2003. С. 77 (факсимильное воспроизведение), 107 (текст).

⁷² Библиотека литературы Древней Руси / Под ред. Д. С. Лихачева и др. СПб., 1999. Т. 7: Вторая половина XV века. С. 369 (перевод Л. С. Семенова); см. также: Хождение за три моря Афанасия Никитина, 1466–1472 гг. / Под ред. Б. Д. Грекова, В. П. Андриановой-Перетц. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1948. С. 24 (текст), 67 (перевод Н. С. Чаева), 187. Примеч. 253 (комментарий И. П. Петрушевского); Хождение за три моря Афанасия Никитина, 1466–1472 гг. / Под ред. В. П. Андриановой-Перетц. Изд. 2-е, доп. и перераб. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1958. С. 24 (текст), 84 (перевод Н. С. Чаева), 234. Примеч. 253 (комментарий И. П. Петрушевского); Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV в. / Под ред. Л. А. Дмитриева, Д. С. Лихачева. М.: Художественная литература, 1982. С. 467 (перевод Л. С. Семенова); Хождение за три моря Афанасия Никитина / Под ред. Я. С. Лурье. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1986. С. 13 (текст), 53 (перевод А. Д. Желтякова и Л. С. Семенова).

⁷³ Хождение за три моря Афанасия Никитина / Под ред. В. П. Козлова и др. С. 120.

была предпринята задолго до появления академических изданий. Причем в роли интерпретатора выступил человек, прекрасно разбиравшийся в лексике языка допетровской Руси, поскольку для него этот язык был живым. Речь идет о Сухановском изводе «Хождения», выполненном, по всей видимости, в 1630-е – 1640 гг.⁷⁴ Создатель извода опустил или перевел многие места, написанные на восточных языках, а также удалил ссылки Афанасия на мусульманские ритуалы. Что касается рассматриваемого спорного фрагмента, он передается в Сухановском изводе следующим образом⁷⁵:

На султанъ же кафтанъ весь сажень яхонты, да шишакъ, а на нем алмаз великий, да саадакъ золоть съ яхонты, да на нем же 3 сабли окованы золотом, да сѣдло золото [конец фрагмента в Сухановском изводе опущен].

Создатель Сухановского извода считал слова «шапка» и «чичяк» близкими по значению и поэтому опустил первое из них, изменив форму второго на более привычное «шишак». Таким образом, общепринятая интерпретация слова «чичяк» как шлем-шишак подтверждается литературным текстом, созданным в Московской Руси. Такое значение поддерживается и цитированной выше духовной грамотой Дмитрия Жилки. Как уже отмечалось, завещание указывает, что хранившийся в княжеской казне «чичак» был «грановит». Как видно из описаний казны Дмитрия Жилки и Бориса Годунова, термины «грановит» или «с грани» относятся обычно к изделиям, имеющим в основе форму граненой полусферы или купола, а именно — к ковшам и шлемам⁷⁶.

Как указывалось в моей предыдущей работе, сын Ивана Красного Дмитрий Донской передал упомянутые в отцовском завещании золотые шлемы-шишаки своему третьему сыну, Андрею Можайскому, в составе снаряжения, описанного в завещании Дмитрия Донского как «снасть золота» (т. е. золотая снасть)⁷⁷. Опираясь на текст «Хождения», А. В. Лаврентьев предполагает, что выражение духовной грамоты «снасть золота» подразумевает не оружие, а конскую сбрую.

Афанасий Никитин действительно употреблял «снасть» для обозначения конского снаряжения. Однако, как отметил сам А. В. Лаврентьев, слово «снасть» имело несколько значений, в том числе вооружение. Учитывая многозначность рассматриваемого слова, следует обратиться к контексту, в котором оно используется в великокняжеских завещаниях. Если предположить, что под снастью во второй духовной Дмитрия Донского понимается конская узда, становится непонятным, почему она не встречается в предыдущих духовных грамотах. С другой стороны, золотое оружие упоминается в духовной Ивана Красного (шлемы, сабли и перевязи) и в первой, плохо сохранившейся духовной Дмитрия Донского (доспехи, золотые сабли). В то же время во второй духовной Дмитрия Донского никакое золотое оружие не упоминается, но появляется золотая снасть⁷⁸. Если снасть не является оружием, то встает вопрос: куда оно подевалось? Единственное логичное объяснение, что во всех трех духовных речь идет об одном и том же комплексе предметов, а именно — о золотом оружии.

---

⁷⁴ Лурье Я. С. Археографический обзор // Хождение за три моря / Под ред. Я. С. Лурье. С. 122.

⁷⁵ Хождение за три моря / Под ред. Я. С. Лурье. С. 39.

⁷⁶ ДДГ. С. 410–411, 412; *Савваитов П.* Описание старинных царских утварей... С. 35 («шоломъ литовской съ грани мелкіе прямые»). Антонимом является слово «гладкий», т. е. круглого очертания без граней (ср. упоминания гладких московских шлемов и шапок: *Савваитов П.* Описание старинных царских утварей... С. 36).

⁷⁷ *Богатырев С. Н.* Шапка Мономаха... С. 185, 186.

⁷⁸ ДДГ. С. 16, 18, 25, 36.

В целом, хотя я не могу согласиться с А. В. Лаврентьевым по целому ряду вопросов, мы несомненно сходимся в том, что стокгольмский шлем занимал важное место в династической политике московских князей.

Данные о статье

Исследование выполнено по гранту Хельсинкского колледжума продвинутых исследований.

Автор: Богатырев, Сергей Николаевич — Ph. D. in History, Университетский колледж Лондона, Лондон, Великобритания, s.bogatyrev@ucl.ac.uk

Заголовок: Шлем Ивана Грозного в контексте придворной культуры

Резюме: Созданный в 1530–1533 гг. шлем Ивана Грозного из коллекции Королевской Оружейной палаты (Livrustkammaren) в Стокгольме является одной из самых ранних сохранившихся регалий московской династии. В статье предлагается комплексное исследование головного убора, включая историю его появления в коллекции Livrustkammaren, а также анализ его эпиграфической и декоративной программы. На основе описей собрания Livrustkammaren, шведской и русской историографии рассматриваются различные версии поступления шлема в музейную коллекцию. Хотя на данном этапе не обнаружено прямого документального подтверждения ни одной из предложенных в науке версий, наиболее вероятной следует признать идею Карла Эрика Стенеберга о захвате шлема в качестве трофея во время одного из вооруженных конфликтов между Швецией и Россией. Сочетание кириллической надписи и псевдографической идеограммы, имитирующей исламскую каллиграфию, подтверждает высказанную шведскими исследователями мысль о создании шлема в Москве. Графическое оформление шлема Ивана Грозного соответствует многофункциональному типу письма, характерному для предметов княжеского обихода и монет (по классификации Саймона Франклина — письменность второго разряда). Помещенные на шлеме надпись и идеограмма показывают, что он выполнял прежде всего символическую функцию. Сомнения в аутентичности шлема безосновательны, т. к. текстуальное и декоративное оформление шлема соответствует изделиям придворной культуры начального периода московского самодержавия во время правления Ивана III и Василия III. Текст кириллической надписи на шлеме подтверждает традиционную атрибуцию головного убора малолетнему Ивану Грозному. Как и монеты рассматриваемого периода, шлем выражал преемственность великокняжеской власти, создавая образ монарха-воина через сочетание элементов мусульманского искусства и декларативных кириллических надписей.

Ключевые слова: регалии, парадное оружие, эпиграфика, Livrustkammaren, идеология, самодержавие, придворная культура, Василий III, Иван Грозный.

Литература, использованная в статье

Бобров, Леонид Александрович. «Шишак московский, шишак литовский, шишак калмыцкий...» Боевые наголовья российских воинов в Сибири в конце XVI-го – XVII веке // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Пятой международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург: ВИМАИВиВС, 2014. Часть 1. С. 190–206.

Богатырев, Сергей Николаевич. Еще раз о Шапке Мономаха и казне великих князей // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2011. № 2 (10). С. 251–254.

Богатырев, Сергей Николаевич. Шапка Мономаха и шлем наследника. Репрезентация власти и династическая политика при Василии III и Иване Грозном // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2011. № 1 (9). С. 171–200.

Бумагин, Андрей Алексеевич, ред. Каталог материальной части отечественной артиллерии. Ленинград: Издание Артиллерийского музея, 1961. 424 с.

Зайцев, Василий Васильевич. Русские монеты времени Ивана III и Василия III. Киев: Юнона-Монета, 2006. 205 с.

Крылов Валерий Михайлович и др., ред. Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи: История и коллекция. Санкт-Петербург: ИПЦ СПГУТД, 2004. 256 с.

Кучкин, Владимир Андреевич. Духовные грамоты московского великого князя Ивана Ивановича Красного // Средневековая Русь. Москва, 2004. Вып. 5. С. 191–280.

Лаврентьев, Александр Владимирович. Люди и вещи. Памятники русской истории и культуры XVI–XVII вв., их создатели и владельцы. Москва: Археографический центр, 1997. 256 с.

Лебедевская, Александра Петровна. Очерки из истории пушечного производства в Московской Руси // Сборник исследований и материалов Артиллерийского исторического музея Красной армии.

Ленинград, Москва: Гос. науч.-техн. издательство машиностроительной литературы. 1940. Вып. 1. С. 57–84.

Левыкин, Алексей Константинович. Оружейная палата в XVI столетии // Русская художественная культура XV–XVI веков (Материалы и исследования Гос. ист.-культурного музея-заповедника «Московский Кремль»). Вып. 9). Москва: Гос. ист.-культурный музей-заповедник «Московский Кремль», 1998. С. 240–254.

Левыкин, Алексей Константинович, Загородняя Ирина Александровна, ред. «Во утверждение дружбы...». Посольские дары русским царям. Каталог выставки. Москва: Федеральное гос. учреждение «Гос. историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль», 2005. 152 с.

Лобин, Алексей Николаевич. Артиллерия в царствование Ивана Грозного // *Дворниченко, Андрей Юрьевич.* ред. «В кратких словесах многой разум замыкающе...». Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2008 (Труды кафедры истории России с древнейших времен до XX века. Т. 2). С. 285–308.

Маясова, Наталия Андреевна. Древнерусское шитье. Москва: Искусство, 1971. 34 с., таблицы.

Медынцева, Альбина Александровна. Грамотность в Древней Руси. По памятникам эпиграфики X – первой половины XIII века. Москва: Наука, 2000. 296 с.

Орленко, Сергей Павлович. К вопросу о деятельности придворных оружейных мастерских до и после Смутного времени // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Третьей международной научно-практической конференции, 16–18 мая 2012 г. Санкт-Петербург: Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи, 2012. Ч. II. С. 441–456.

Писарская, Людмила Васильевна и др. Русские эмали XI–XIX вв. Москва: Искусство, 1974. 240 с.

Постникова-Лосева, Марина Михайловна. Золотые и серебряные изделия мастеров Оружейной палаты XVI–XVII вв. // *Богоявленский, Сергей Константинович, Новицкий Георгий Андреевич,* ред. Государственная Оружейная палата Московского Кремля. Сборник научных трудов по материалам Государственной Оружейной палаты. Москва: Искусство, 1954. С. 137–216.

Самойлова, Татьяна Евгеньевна, ред. Великий князь и государь всея Руси Иван III. Москва: Гос. историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль», 2013. 208 с.

Самойлова, Татьяна Евгеньевна, ред. Вера и власть. Эпоха Ивана Грозного. Москва: Гос. историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль», 2007. 245 с.

Филлюшкин, Александр Ильич. Титулы русских государей. Москва, Санкт-Петербург: Альянс-Архео, 2006. 256 с.

Франклин, Саймон. Письменность, общество и культура Древней Руси (около 950–1300 гг.). Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2010. 549 с.

Чернявский, Майкл. Хан или василевс. Один из аспектов русской средневековой политической теории // Из истории русской культуры. Москва: Языки славянской культуры, 2002. Т. 2. Кн. 1. Киевская и Московская Русь. С. 442–456.

Bogatyrev, Sergei. The Heavenly Host and the Sword of Truth: Apocalyptic Imagery in Ivan IV's Muscovy // *Kivelson, Valerie and others,* (eds.) The New Muscovite Cultural History: A Collection in Honor of Daniel B. Rowland. Bloomington: Slavica Publishers, 2009. P. 77–90.

Bogatyrev, Sergei. Reinventing the Russian Monarchy in the 1550s. Ivan the Terrible, the Dynasty, and the Church // *Slavonic and East European Review.* 2007. Vol. 85. P. 271–293.

Cederström, Rudolf. Rysk från 1500-talet, ej Persisk-Mongolisk från 1400-talet // *Kunst og haandverk: Nordiske studier: Johan Bøgh 1848 – 27 mai – 1918.* Kristiania, 1918. Sidd. 47–55.

Daston, Lorraine (ed.). Things That Talk. Object Lessons from Art and Science. New York: Zone Books, 2004. 448 pp.

Grönhammar, Ann (ed.) Krigsbyte. War-Booty. Stockholm: Livrustkammaren, 2007. 286 sidd.

Gosman, Martin; MacDonald, Alasdair; Vanderjagt, Arjo (eds.). Princes and Princely Culture, 1450–1650. 2 vols. Leiden, Boston: Brill, 2003–2005. Vol. 1. 2003. 376 p.; Vol. 2. 2005. 358 p.

Hellner Brynolf, Stålets dekorerer inom vapensmidet // *Livrustkammaren.* Vol. 9. N. 1-12 (1961-63). Sidd. 1–36.

Kopytoff Igor. The Cultural Biography of Things: Commoditization as Process // *Appadurai, Arjun* (ed.). The Social Life of Things. Commodities in Cultural Perspective. Cambridge: Cambridge University Press, 1986. P. 64–91.

Lagrelius, Axel. Kongl. lifrustkammaren och dermed förenade samlingar / femtio planscher i ljustryck utförda vid Generalstabens litografiska anstalt under ledning af Axel Lagrelius; text af C. A. Ossbahr. Stockholm: P. A. Norstedt & Söner, 1897. 24 sidd., ill.

Necipoglu, Gülru. Süleyman the Magnificent and the Representation of Power in the Context of Ottoman-Hapsburg-Papal Rivalry // *The Art Bulletin*. 1989. Vol. 71. No. 3. P. 401–427.

Pyhrr, Stuart; Godoy, José-A.; Leydi, Silvio. Heroic Armor of the Italian Renaissance: Filippo Negroli and His Contemporaries. New York: The Metropolitan Museum of Art, 1998. 358 p.

Sandin, Per. Peter den store och Karl XII i krig och fred. Stockholm: Livrustkammaren, 1998. 208 sidd.

Sandstedt Fred. Schischak-Szyszak-Zischägge. Analys av åtta hjälmar av orientalisk typ i Livrustkammaren // *Livrustkammaren*. Stockholm, 1985. Vol. 17. Nr. 1. 52 sidd.

Shifman Barry, Walton Guy (eds.). Gifts to the Tsars, 1500–1700: Treasures from the Kremlin. New York: Harry N. Abrams Inc. Publishers, 2001. 336 pp.

Steneberg, Karl Erik. Ryskt krigsbyte från Johan III:s tid // *Svenska Vapenhistoriska Sällskapet Årsskrift 1942–1943*. Stockholm: Centraltryckeriet, 1943. Sidd. 119–128.

Information about the article

This research was supported by the Core Fellowship Programme of the Helsinki Collegium for Advanced Studies.

Author: Bogatyrev, Sergey Nikolaevich — Ph. D. in History, University College, London, United Kingdom, s.bogatyrev@ucl.ac.uk

Title: The Helmet of Ivan the Terrible in the Context of Court Culture

Summary: Created in 1530–1533, the helmet of Ivan the Terrible from the Royal Armoury (Livrustkammaren) in Stockholm is one of the earliest surviving regalia of the Muscovite dynasty. This paper examines the helmet from different perspectives: its provenance, epigraphic programme, decor and functions. On the basis of the registries of the museum collection as well as Swedish and Russian studies of the object the paper revisits various theories about how the helmet appeared in the Livrustkammaren. At this stage of research no direct evidence supporting any of the theories has been detected. However, circumstantial evidence corroborates Karl Erik Steneberg's idea that the helmet was taken as war booty during one of numerous military conflicts between Russia and Sweden. The helmet features a Cyrillic inscription and a pseudographic ideogram imitating Islamic calligraphy. This combination of symbols confirms the view of those Swedish scholars who have argued that the helmet was made in Moscow. The text and the ideogram on the helmet constitute, following Simon Franklin's taxonomy, secondary writing that is integral to the object, but is not the main purpose of it. The helmet's decor indicates that the primary function of the headgear was symbolic. The textual and graphical design of the helmet is consistent with other objects of court culture typical of the nascent stage of Muscovite autocracy during the reigns of Ivan III and Vasili III. Claims that the helmet is a later forgery are therefore groundless. The Cyrillic inscription on the helmet confirms the traditional attribution of the helmet to the minor Ivan the Terrible. Like some coins minted under Ivan III and Vasili III, the helmet proclaims the continuity of power in the Muscovite dynasty by representing the heir as a would-be warrior through a combination of elements of Islamic art and declarative Cyrillic inscriptions.

Keywords: regalia, ceremonial weapon, epigraphy, Livrustkammaren, ideology, autocracy, court culture, Vasili III, Ivan the Terrible

References

Bobninskii, Aleksei Aleksandrovich. Shlem Ivana Groznogo [The helmet of Ivan the Terrible], in *Zapiski Imperatorskogo Russkogo arheologicheskogo obshchestva*. Sankt-Peterburg, 1898. T. X. Vol. 1–2. Novaya seriya. Pp. 316–325.

Bobrov, Leonid Aleksandrovich. «Shishak moskovskii, shishak litovskii, shishak kalmytskii...» Boevye nagolovaya rossiiskikh voinov v Sibiri v kontse XVI-go – XVII veke [Muscovite shishak, Lithuanian shishak, Kalmyk shishak. The battle headgear of Russian soldiers in Siberia in the late sixteenth and seventeenth centuries], in *Voina I oruzhie*. Novye issledovaniia I materialy. Trudy Piatoi mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Sankt-Peterburg: VIMAI VIVS Publ., 2014. Chast' 1. Pp. 190–206.

Bogatyrev, Sergei Nikolaevich. Eshche raz o Shapke Monomakha I kazne velikikh kniazei [Once more on the Cap of Monomakh and the treasury of the Muscovite princes], in *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana = Peterburgskie slavianskie I balkanskie issledovaniya*. 2011. № 2 (10). Pp. 251–254.

Bogatyrev, Sergei Nikolaevich. Shapka Monomakha I shlem naslednika. Rerezentatsiia vlasti I dinasticheskaia politika pri Vasili III I Ivane Groznom [The Cap of Monomakh and the helmet of an heir.

- The representation of power and dynastic policy under Vasilij III and Ivan the Terrible], in *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana = Peterburgskie slavianskie I balkanske issledovaniya*. 2011. № 1 (9). Pp. 171–200.
- Bogatyrev, Sergei. Reinventing the Russian Monarchy in the 1550s. Ivan the Terrible, the Dynasty, and the Church, in *Slavonic and East European Review*. 2007. Vol. 85. Pp. 271–293.
- Bogatyrev, Sergei. The Heavenly Host and the Sword of Truth: Apocalyptic Imagery in Ivan IV's Muscovy, in Valerie Kivelson and others (eds.). *The New Muscovite Cultural History: A Collection in Honor of Daniel B. Rowland*. Bloomington: Slavica Publishers, 2009. Pp. 77–90.
- Bumagin, Andrei Alekseevich (ed.). *Katalog material'noi chasti otechestvennoy artillerii [A catalogue of domestic artillery materiel]*. Leningrad: Izdanie Artilleriiskogo muzeya Publ., 1961. 424 p.
- Cederström, Rudolf. Ryskrifrån 1500-talet, ej Persisk-Mongoliskfrån 1400-talet [Sixteenth-century Russian, not fifteenth-century Persian-Mongolian], in *Kunstoghaandverk: Nordiske studier: Johan Bøgh 1848 – 27 maj 1918*. Kristiania, 1918. Sidd. 47–55. (in Swedish)
- Chernyavsky, Michael. Khan ili vasiljevs. Odin iz aspektov russkoi srednevekovoy politicheskoy teorii [Khan or Basileus: An Aspect of Russian Mediaeval Political Theory], in *Iz istorii russkoi kul'tury*. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2002. T. 2. Kn. 1. Kievskaja i Moskovskaya Rus'. Pp. 442–456.
- Daston, Lorraine (ed.) *Things That Talk. Object Lessons from Art and Science*. New York: Zone Books, 2004. 448 pp.
- Dmitrieva, Rufina Petrovna. *Skazanie o kniaz'yakh Vladimirskikh [The Tale of the Princes of Vladimir]*. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1955. 213 p.
- Filiushkin, Aleksandr Il'ich. *Tituly russkikh gosudarei [The titles of Russian sovereigns]*. Moscow; Sankt-Peterburg: Alyans-Arkheo Publ., 2006. 256 p.
- Franklin, Simon. *Pis'mennost', obshchestvo i kul'tura Drevney Rusi, okolo 950–1300 gg. [Writing, Society, and Culture in Early Rus, c. 950–1300]*. Sankt-Peterburg: Dmitriy Bulanin Publ., 2010. 549 p.
- Gosman Martin, MacDonald Alasdair, Vanderjagt Arjo (eds.). *Princes and Princely Culture, 1450–1650*. 2 vols. Leiden, Boston: Brill, 2003–2005. Vol. 1. 2003. 376 p.; Vol. 2. 2005. 358 p.
- Grönhammar Ann (ed). *Krigsbyte. War-Booty*. Stockholm: Livrustkammaren, 2007. 286 sidd. (in Swedish and in English)
- Hellner Brynolf, Stålets dekorerings inom vapensmidet [Steel decoration in weapon forging], in *Livrustkammaren*. Vol. 9. N. 1–12 (1961–63). Sidd.1–36. (in Swedish)
- Kopytoff Igor. The Cultural Biography of Things: Commoditization as Process, in Appadurai, Arjun (ed.) *The Social Life of Things. Commodities in Cultural Perspective*. Cambridge: Cambridge University Press, 1986. Pp. 64–91.
- Kositsyna M. Iu. Litsevoe shitye XVII veka iz kniazheskikh i boiarskikh svetlits v sobranii muzeia «Novodevichii monastyr'» [Seventeenth-century figurative embroidery by princely and boyar workshops in the collection of the Novodevichii Convent Museum], in *Drevnerusskoe khudozhestvennoe shitye*. Moscow: Avangard Publ., 1995. (Materialy i issledovaniia Gos. istoriko-kul'turnogo muzeia-zapovednika «Moskovskiy Kreml»). Vol. 10)
- Kozlov, Vladimir Petrovich i dr. (eds.). *Khozhenie za tri moria Afanasiia Nikitina [The Journey beyond Three Seas by Afanasii Nikitin]*. Tver': Arkhivnyi otdel Tverskoi oblasti Publ., 2003. 166 p.
- KrylovValeriiMikhailovich i dr. (eds.). *Voenno-istoricheskiimuzeiartillerii, inzhenernykhvoisk i voisksviazi: Istorii i kolleksiya [Military Historical Museum of Artillery, Engineers and Signal Corps: History and collection]*. Sankt-Peterburg: IPTsSPGUTD Publ., 2004. 256 p.
- Kuchkin, Vladimir Andreevich. Dukhovnyegramotymoskovskogovelikogokniazia Ivana Ivanovicha Krasnogo[The testaments of Great Prince Ivan Ivanovich the Handsome of Moscow]. in *Srednevekovaya Rus'*. Moscow, 2004. Vol. 5. Pp. 191–280.
- L'idea di Roma a Mosca secoli XV–XVI*. Fonti per la storia del pensiero sociale russo [The idea of Rome in Moscow in the fifteenth to the sixteenth centuries. Sources of or the history of Russian social thought]. Roma, 1989. 449 p. (In Italian)
- Lagrelus, Axel. Kongl. lifrustkammaren och dermed förenade samlingar / femtio planscher i ljustryck utförda vid Generalstabens litografiska anstalt under ledning afAxel Lagrelus; text af C. A. Ossbahr [The Royal Armoury and associated collections] [1]. Stockholm: P. A. Norstedt&Söner, 1897. 24 sidd., ill. (in Swedish)
- Lavrentyev, Aleksandr Vladimirovich. *Lyudi i veshchi*. Pamiatniki russkoi istorii i kul'tury XVI–XVII vv., ikh sozdateli i vladel'tsy [People and things. Sixteenth- and seventeenth-century objects of Russian history and culture, their creators and owners]. Moscow: Arkheograficheskiy tsentr Publ., 1997. 256 p.

- Lebedianskaya, Aleksandra Petrovna. Ocherki iz istorii pushechnogo proizvodstva v Moskovskoi Rusi [Essays on the history of gun manufacturing in Muscovite Russia], in *Sbornik issledovaniy i materialov Artilleriiskogo istoricheskogo muzeia Krasnoi armii*. Leningrad, Moscow: Gos. nauch.-tekhn. Izdatel'stvo mashinostroitel'noy literatury Publ., 1940. Vol. 1. Pp. 57–84.
- Levykin, Aleksei Konstantinovich. Oruzheinaia palata v XVI stoletii [The Armoury in the sixteenth century], in *Russkaya khudozhestvennaya kul'tura XV–XVI vekov* (Materialy i issledovaniia Gos. ist.-kul'turnogo muzeya-zapovednika «Moskovskii Kreml'»). Vol. 9). Moscow: Gos. ist.-kul'turnyi muzey-zapovednik «Moskovskii Kreml'» Publ., 1998. Pp. 240–254.
- Levykin, Aleksei Konstantinovich; Zagorodniaya Irina Aleksandrovna (eds.). «Vo utverzhdieniedruzhy...». Posol'skie dary russkim tsariam. Katalog vystavki. [“To establish friendship...” Diplomatic gifts to the Russian tsars. Exhibition catalogue]. Moscow: Federal'noe gos. uchrezhdenie «Gos. istoriko-kul'turnyimuzei-zapovednik “Moskovskii Kreml'”» Publ., 2005. 152 p.
- Lobin, Aleksei Nikolaevich. Artilleriia v tsarstvovanie Ivana Groznogo [Artillery during the reign of Ivan the Terrible], in Dvornichenko, Andrei Iur'evich (ed.). «V kratkikh slovesakh mnogo I razum zamykaiushche...». Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta Publ., 2008. (Trudy kafedry istorii Rossii s drevneishikh vremen do XX veka. T. 2). Pp. 285–308.
- Maiasova, Nataliia Andreevna. «Svetlitsy» v dome boiarina Dmitriia Ivanovicha Godunova [Embroidery workshops in the house of the boyar Dmitrii Ivanovich Godunov], in *Proizvedeniia russkogo i zarubezhnogo iskusstva XVI – nachala XVIII veka* (Materialy i issledovaniia Gos. Muzeev Moskovskogo Kremlya. Vol. 4). M.: Iskusstvo Publ., 1984. (<http://www.kreml.ru/research/library000wp/muzei-moskovskogo-kremlya-materialy-i-issledovaniya/> (bez paginatsii)).
- Mayasova, Nataliia Andreevna. *Drevnerusskoe shitye [The embroidery of Old Rus]*. Moscow: Iskusstvo Publ., 1971. 34 p., tablitsy.
- Medyntseva, Al'bina Aleksandrovna. *Gramotnost' v Drevnei Rusi*. Po pamiatnikam epigrafiki X – pervoi poloviny XIII veka [Literacy in Old Rus. On the basis of epigraphic sources from the tenth to the first half of the thirteenth centuries]. Moscow: Nauka Publ., 2000. 296 p.
- Necipoglu, Gülrü. Süleyman the Magnificent and the Representation of Power in the Context of Ottoman-Hapsburg-Papal Rivalry, in *The Art Bulletin*. Vol. 71. No. 3 (Sep., 1989). Pp. 401–427.
- Orlenko, Sergei Pavlovich. K voprosu o deiatel'nosti pridvornykh oruzheinykh masterskikh do i posle Smutnogo vremeni [On the question of the activities of court weapon workshops before and after the Time of Troubles], in *Voina i oruzhie*. Novye issledovaniia i materialy. Trudy Tretyei mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, 16–18 maya 2012 g. Sankt-Peterburg: Voenno-istoricheskii muzei artillerii, inzhenernykh voisk i voisk svyazi Publ., 2012. Ch. II. Pp. 441–456.
- Pisarskaia, Liudmila Vasilyevna, i dr. *Russkie emali XI–XIX vv. [Russian enamels, the eleventh to the nineteenth centuries]*. Moscow: Iskusstvo Publ., 1974. 240 p.
- Postnikova-Loseva, Marina Mikhailovna. Zolotye i serebrianye izdeliia masterov Oruzheinoi palaty XVI–XVII vv. [Gold and silver items manufactured by masters of the Armoury in the sixteenth and the seventeenth centuries], in Bogoyavlenskii, Sergei Konstantinovich; Novitskii Georgii Andreevich (eds.). *Gosudarstvennaya Oruzheynaya palata Moskovskogo Kremlya*. Sbornik nauchnykh trudov po materialam Gosudarstvennoi Oruzheinoi palaty. Moscow: Iskusstvo Publ., 1954. Pp. 137–216.
- Pyhrr, Stuart W.; Godoy, José-A.; Leydi, Silvio. Heroic Armor of the Italian Renaissance: Filippo Negroli and His Contemporaries. New York: The Metropolitan Museum of Art, 1998. 358 p.
- Samoylova, Tatyiana Evgenyevna (ed.). *Velikiy kniaz' i gosudar' vseya Rusi Ivan III [Grand Prince Ivan III, Sovereign of All Russia]*. Moscow: Gos. istoriko-kul'turnyi muzei-zapovednik «Moskovskiy Kreml'» Publ., 2013. 208 p.
- Samoylova, Tatyiana Evgenyevna (ed.). *Vera i vlast'. Epokha Ivana Groznogo [Faith and power. The time of Ivan the Terrible]*. Moscow: Gos. istoriko-kul'turnyi muzei-zapovednik «Moskovskiy Kreml'» Publ., 2007. 245 p.
- Sandin, Per. *Peter den store och Karl XII i krigochfred. [Peter the Great and Charles XII in war and peace]* Stockholm: Livrustkammaren, 1998. 208 sidd. (in Swedish)
- Sandstedt Fred. Schischak–Szyszak–Zischägge. Analysavättahjälmavorientalistyp i Livrustkammaren [Schischak–Szyszak–Zischägge. Analysis of eighth elements of an oriental type in the Armoury], in *Livrustkammaren*. Stockholm, 1985. Vol. 17. Nr. 1. 52 sidd. (in Swedish)
- Shifman, Barry; Walton, Guy (eds.). *Gifts to the Tsars, 1500–1700: Treasures from the Kremlin*. New York: Harry N. Abrams Inc. Publishers, 2001. 336 p.

- Steneberg, Karl Erik. Ryskt krigsbyte från Johan III:s tid [Russian war-booty from the time of Johan III], in *Svenska Vapenhistoriska Sällskapet Årsskrift 1942–1943*. Stockholm: Centraltryckeriet, 1943. Sidd. 119–128. (in Swedish)
- Vladimirskaia, Nonna Sergeevna, red. *Orel i lev. Rossiya i Shvetsiya v XVII veke*. Katalog vystavki. Gosudarstvennyi istoricheskii muzei, 4.04–1.07.2001 [*The eagle and the lion. Russia and Sweden in the seventeenth century*. A catalogue of the exhibition. The State Historical Museum, 4.04–1.07.2001.]. Moscow: Gosudarstvennyi istoricheskii muzei i dr. Publ., 2001. 158 p.
- Zaitsev, Vasilii Vasilyevich. *Russkie monety vremeni Ivana III i Vasiliia III* [*Russian coins in the time of Ivan III and Vasilii III*]. Kiev: Iunona-Moneta Publ., 2006. 205 p.